

№17 ГОСТИНЫЙ ДВОР

*Оренбурге – Аскалов – Оренбурге
Город, в котором бьют сердце*

- ОРЕНБУРГСКАЯ
ДИАСПОРА 6 **Диана Кан.** Междуречье. *Стихи*
245 **Тамара Архаткина.** Зима в Ерусалиме. *Стихи*
- ВРЕМЯ
ДЕЙСТВИЯ 10 **Виктор Ренёв.** Недорисованный портрет
172 **Роза Чубарева.** О городе, его архитектуре и музее
космоса. *Заметки директора музея истории Оренбурга*
259 **Сергей Бурдыгин.** Без имени. *Из очерков наших дней*
- ПРОЗА
И ПОЭЗИЯ 16 **Анатолий Тепляшин.** Другие звёзды. *Стихи*
19 **Георгий Саталкин.** Молитва. *Рассказ*
75 **СТИХИ ПО КРУГУ:** *Е. Ахмерова, А. Гнеушев, М. Кильдяшов,*
В. Малолеткина, Л. Муратшина, Е. Продиус, М. Сныткина,
А. Салодкина, В. Степанюк, К. Чернов, Ю. Чикова
105 **Игорь Якименко.** Пока ещё обманом не пьяны. *Стихи*
129 **Владимир Шушув.** За сутки до весны. *Стихи*
131 **Николай Волженцев.** Крыша с кандебобером.
Из рассказов моих земляков и родных
141 **Валентина Рузавина.** Бог не микишка...
Событие и понятие
155 **Алла Кириллова.** Медовый спас. *Стихи*
180 **Николай Пашков.** Дальнойбой – страна Россия. *Стихи*
184 **Владимир Пшеничников.** Мотивы прогулочного дворика.
Рассказы
196 **Николай Корсунов.** Ожидание. *Рассказ*
200 **Варвара Заблицкая.** Древние камни. *Стихи*
264 **Анастасия Бугрышева.** Непрочитанная книга. *Стихи*
300 **Александр Филиппов.** Избранный. *Повесть (начало)*
- ОРЕНБУРГ –
ЧКАЛОВ –
ОРЕНБУРГ 24 **Наталья Свирина.** Оренбург XVIII–XX веков.
Архитектурно-художественные аспекты
80 **Борис Антропов.** Оренбургская окраина времён НЭПа.
Коренной житель вспоминает...
120 **Галина Хвостова.** Военный город
158 **Виктор Дорофеев.** Силуэты Оренбурга
165 **Анатолий Прусс.** Каким запомнится нам
старый Оренбург? *Архитектурные этюды*
177 О сохранении объектов культурного наследия
Оренбургской области.
Официальная справка. М. Г. Дмитриева
- 346 **Станислав Смирнов.** Альтернативы нет.
*О некоторых проблемах градостроительного
развития города*
- НАРОДНЫЕ
МЕМУАРЫ 94 **Иван Арнаутов.** Весна сорок второго.
Наводнение глазами очевидца
- КУЛЬТУРНЫЙ
СЛОЙ 98 **Татьяна Орлова.** Художник рисует город...
*Оренбург в рисунках и акварелях Сергея
Калмыкова и Николая Прохорова*
107 Скульптор Чкалова. *Рассказ о Гаврииле
Алексеевиче Петине. И. В. Бушухина*
116 **Екатерина Шаранова.** Как куклы воевали. *Чкаловский
театр кукол в годы Великой Отечественной войны*
- В ЗЕРКАЛЕ
ИСТОРИИ 144 **Татьяна Судоргина.** «Терпимый по необходимости
разврат...» *Материалы к размышлению
на государственном уровне (продолжение)*
218 **Валентина Головина.** Оборона Адамовки.
*Некоторые подробности о походе «Народной армии»
Г. С. Охранюка-Черского по Оренбуржью*
224 **Г. П. Матвиевская, И. К. Зубова.** «Вновь увидать
оренбургские степи...» *Приезд В. И. Даля в Оренбург
летом 1859 года*
231 **Елена Аксёнова.** По поводу июльского бурана
в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. *Несколько
замечаний на полях книги В. Л. Савельзона (окончание)*
- КАЗАЧЬЯ ЛИНИЯ 202 **Евгений Яконовский.** Каргалла.
Вступительное слово и комментарии – С. М. Скибин
213 **Валентина Капустина.** Наши на Дальнем Востоке
- ЛИЧНОЕ
МНЕНИЕ 248 **Владислав Бахревский.** Шуты и шутовство в России
- ПО СЛЕДАМ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
КОНКУРСОВ 267 **Марина Суркова.** Волшебный веник. *Сказочная повесть*
- НАСЛЕДИЕ 274 **Евгений Курдаков.** Ангел, бабочка, цветок...
Дневники 1997–2002 годов (продолжение)
293 **Пётр Данилов.** В бездонном омуте забвенья.
Автобиография и стихи
341 **Наталья Шешукова.** Тайна утра. *Стихи*

всюду люди обо мне только хорошее говорят. С 1930 года я состоял в комсомоле. Искренне, старательно участвовал в комсомольской жизни. Может, и это мне помогло. Поручили они колхозу заниматься моим делом. А если политотдел не исключил из колхоза, то и колхоз не исключает тоже.

В ту неуютную для меня, взбешенную пору, хоть и не хотелось уезжать из села, а появилась такая мысль. Как раз шёл набор сельской молодёжи в техникумы и институты. Я засобирался хоть в какой-нибудь из них поступить, да и уехать из Черноярчя. Подготовил необходимые документы, написал заявления сразу и в лесной, и в индустриальный техникумы, в институты: гидромелиоративный и крупного рогатого скота. Но возмущился, завоспрепятствовал

член правления Шумилкин Николай Иванович. И меня не отпустили, не дали мне уехать. Так я и остался в селе.

Вначале я работал учётчиком в МТС, в тридцать четвёртом году бухгалтером в правлении колхоза. В тридцать пятом осудили и посадили в тюрьму за какую-то провинность председателя колхоза. Вроде бы продал на сторону колхозное сено. Старший бухгалтер, бросив семью, сбегал. Предложили мне заправлять бухгалтерией. Не согласился. Побоялся ответственности. Ушёл в МТС. Через год снова вернулся в бухгалтерию колхоза, да так и остался там. Работал бухгалтером в правлении в тридцать восьмом, тридцать девятом, сороковом, половине сорок первого года. Сорок первый год – война!

Фото Л. Теремской

Валентина Васильевна Рузавина (по мужу Павлова) родилась в посёлке Шумаково Северного района, в крестьянской семье. Окончила Оренбургский государственный педагогический институт. Работает в сельской школе учителем русского языка и литературы, ведёт литературное объединение Соль-Илецкого района. Член Союза писателей России. Живёт в селе Саратовка

Валентина РУЗАВИНА

БОГ НЕ МИКИШКА...

Событие и понятие

ОТПИЛЕННЫЕ НОГИ

В тридцатые годы в селе Добрине разоряли, как и везде, церкви, выкидывали иконы. Председателем сельсовета был тогда И. Ф. Он забрал домой парчовые поповские ризы – красивые, блестящие. Сшил из них шапочки детям, старший сын Лёся носил такую.

Когда Лёсе стало пятнадцать лет, он заболел менингитом и умер. Народ так говорил: «Вот, поповы-то ризы, шапки из них шили, вот чем эти шапки вышли!»

А верующий человек С. И. подобрал икону с изображением Михаила Архангела в полный рост. Хотел, чтобы икона была у него дома. Но под божницей стояли скамейки, икона в рост не умещалась, и тогда С. И. отпилил у неё нижнюю часть.

У С. И. был сын Михайла. Весной пошёл Михайла в лес с другими ребятами пить берёзовый сок. Выдолбят ямку в стволе, приставят полый стебель – вот так и пьют.

Когда тронулись домой, застал их ужасный вихрь. Попали в ямину, едва выбрались. Умерли все после этого – от лютой простуды.

Но Михайла умер не сразу. Сначала у него сделалась гангрена ног. Ноги врачи ампутировали. Не помогло, всё равно умер.

А люди сказали: «Михайлу-то Архангелу ноги отпилили, поставили дома, теперь ихнему Михайлу ноги отпилили».

ИЛЬИН ДЕНЬ 1934 ГОДА

Этот праздник помнят в селе Саратовка и сегодня. Кто были тогда детьми, рассказывают о нём, качая головами... В тот праздничный день решено было, вопреки религиозному дурману, ударно потрудиться и по-советски отдохнуть.

День начался солнечно и задорно. Выехали в поля, трудились, предвкушая выступление агитбригады. И вдруг – страшная гроза, буря! Ветер задул, заблестали молнии, с грохотом грома сливался шум водных потоков, низвергавшихся с неба и бегущих по земле.

Описываемые далее события связаны с Кузнецовым оврагом. Назвали его так потому, что рядом жил кузнец, в огороде у соседей до сих пор чувствуется зола от кузни, попадаются крючки, цепки и другие разные железки. Овраг ведёт себя буйно только весной, но тогда, 2 августа 1934 года, овраг разлился, поплыли смытые снопы. Поток был настолько велик, что по нему понесло лошадь с подводой. Унесло бесследно в речку и лошадь, и подводу, и женщину с ребёнком (из Вятчиных). А кто-то из старожиллов говорит, что в тот день в овраге утонул ещё и молодой парень. Не просто убило грозой, а пронесло через село оврагом.

Хотели Ильин день унижить, а получили грозное предупреждение.

КОЗЬМА И ДАМИАН

Имена этих святых носила наша церковь...

Церковь в Саратовке ломали в 1940 году. «Купола будут сымать!» – разнёсся слух, и к церкви сбегались и стар и мал. К куполам привязали верёвки, привели быков, быки потянули. Руководила всем Б. А., председатель сельского совета.

Трофим Кузьмич Глазунов, зажиточный хозяин, отец пятерых сыновей и дочери, уважаемый миром за то, что всегда по-честному рассчитывал работников, не удержался: что, мол, творите?! На другой день Трофима Кузьмича в селе уже не было.

Иконы из разорённой церкви сложили на чердаке школы, и мальчишки приглушённым шёпотом, как о таинственном приключении, рассказывали, как лазали на подлавку и что там видели... Я училась в той школе, и думаю, это хорошо было для нас, детей, что иконы, пусть и спрятанные, освящали нашу школьную жизнь.

Высокое место, где среди серебристых тополей стоял дом батюшки, потом в нём

был сельсовет, сейчас пустое. А в рубленых поповских амбарчиках, стоящих в ряд, были колхозные склады. Когда колхоз распался и рухнул, в этих амбарчиках поселились таджикские семьи.

Место, где раньше стояла церковь, орожено силами школы и сельского совета. Средства собирали учителя школы, а ограду заказал и доставил А. В. Кулинский. Внутри ограды два креста – там похоронена семья священника: матушка и дитя.

Когда-нибудь здесь снова будет церковь – место освящать не нужно, оно уже свято. И праздник Козьмы и Дамиана снова будем праздновать, а не просто вспоминать...

А та женщина – председатель сельсовета, при которой ломали храм, дожила до глубокой старости. Пришло время умирать, а смерть не идёт никак, соседи замучились слушать её стоны. Умерла она, когда только выбили косяк в двери. Грузное тело стало пухнуть. Выставили в сени, где оно застыло, как лёд.

В день похорон стояла чудесная зимняя погода. Но только вынесли покойницу – поднялась страшная снежная буря. Еле-еле добрались до кладбища. Когда гроб опускали в могилу, он соскользнул с полотенец, крышка отлетела. И головой вниз, с задрожавшим подолом, задевшее тело столбом ухнуло в яму. Вот страсть-то какая!

Так земля не хотела принимать руководительницу разрушения церкви. Не она,

конечно, затеяла, но через неё пришёл соблазн в сельский мир.

ПОМИНАЛЬНОЕ ЯЙЦО

Этот случай произошёл в селе Аксёнкино, в голодное послевоенное время.

На Радоницу, у нас говорят просто – родительский день, мать сварила сыну и дочке по яичку. Но мальчик не слушался, и мать его наказала: отдала предназначавшееся ему яичко сестре. Мальчик так обиделся, что убежал из дому. Искала его мать по всему лесу – не могла найти. А люди говорят: «Да видели его, в лесу бегаёт».

Потом, ближе к осени, стали в лесу раздаваться детские крики, ужасный плач. И нашли осину, на которой мальчик повесился. Тело птички расклевали, косточки звери растащили, узнали по знакомому ремешку. Схоронили, что осталось.

Схоронили, а крик не прекращается. Срубил осину – по-прежнему крик слышится. Тогда выкорчевали осину, сожгли, пепел в земле закопали. Только тогда смолкло в лесу – успокоилась христианская душа.

Большое горе сделал матери мальчик. Но жить такому обидчивому – тоже мучение сплошное.

Считается, что Бог забирает юные души, спасая от зла, которое их ожидает в мире. А останься такие люди жить – они принесли бы и себе и ближним ещё большее горе.

Татьяна СУДОРГИНА

«ТЕРПИМЫЙ ПО НЕОБХОДИМОСТИ РАЗВРАТ...»

Материалы к размышлению
на государственном уровне*

СОЦИАЛИЗМ – МОГИЛА ПРОСТИТУЦИИ!

Первое упоминание о публичных домах после установления советской власти обнаружено в протоколе заседаний Оренбургского военного революционного комитета от 19 марта 1918 года. Правда, речь о них идёт не с моральных позиций, а чисто с утилитарных:

«Разрешить реквизировать для служащих за плату, которая будет установлена жилищной комиссией, а один дом отдать под квартиры служащим створевшего винного склада, предложив им немедленно очистить занимаемое здание духовного училища, уведомив последнее об этом».

Десятого сентября 1919 года при губернском отделе здравоохранения был учреждён подотдел по борьбе с социальными болезнями: туберкулёзом и сифилисом. Всего через месяц от него уже потребовали отчёта в проделанной работе. Увы, рапортовать было не о чем:

«По борьбе с проституцией никаких мер не принималось. По борьбе с социальными болезнями ведётся культурно-просветительная работа».

Между тем, проституция принимала гигантский, невиданный прежде размах. Одними только «культурно-просветительными» мерами бороться с ней было бесполезно. Посему во все уездные управления милиции был направлен приказ № 11 от 26 октября 1922 года под грифом «секретно»:

«Заметный рост проституции в городах КССР, в особенности в самом Оренбурге, попутно с этим прогрессирующее число венерических заболеваний создают угрожающее положение, заставляя искать путь борьбы с означенным злом, основной базой которого являются безработица, последствия голода и, как неизжитое

наследие царского строя, непригодность к борьбе за существование и низкий культурный уровень. Не имея в своём распоряжении средств и возможности радикального пресечения указанного зла, сознавая всю пагубность создаваемых им последствий, НКВД своим органам на местах предлагает принять самые энергичные меры, проводя решительную борьбу через соответствующие управления милиции путём обхода подозрительных в этом отношении заведений, частных жилищ; при наличии фактических сведений на содержание притонов и лиц, уличённых в сводничестве, в вербовке женщин для проституции – привлекать к судебной ответственности».

В 1923 году губернский отдел здравоохранения издал историко-социологический очерк доктора А. Я. Гуткина «Венеризм и проституция. Меры борьбы с ними в условиях современности». Очерк начинался так:

«В связи с эпохой так называемой новой экономической политики на сцену выползли и расцвели махровым цветом все те неизбежные спутники развращённого и сытого общества, которые разрушают здоровье и самую жизнь отдельных его сочленов, а вместе с этим и государство. Возникает спрос на сильные ощущения, а с ними предложение. Достаточно выйти на улицу такого окраинного города, каким является Оренбург; чтобы в нём ощутить

новые вкусы: кинематографическая сцена не снимает из своего репертуара «Тайны Нью-Йорка», «Та-

инственных парижских вампиров», «Тайны кровавого кольца», «Тайны цирка Баре»... тайны, похищения, шпионаж... театр, с лёгкой руки оперетты, перешёл на лёгкий (легчайший) жанр, Москва и Петроград пестрят кафе просто и кафе с открытой сценой (шантан), игорными клубами, лото, рулеткой, бегами и пр. и пр., было бы более нежеле странно, если бы в этом созвездии не было неизбежного его спутника – прекрасной Венеры со своим самостоятельным земным царством – проституцией (выделено мной. – Т. С.)

Чтобы не быть голословным, приведу заметки о проституции в Оренбурге, взятые из официального органа правительства Киргизии – «Степной правды». В ноябре 1922 года газета сообщает о четырёх раскрытых домах терпимости по окраинным улицам города, а месяц спустя – уже о пятидесяти восьми со 137 проститутками.

Судя по тому, что милиция начала искания в этом направлении с июня, сводка охватывает семимесячный период: не имея цифры роста проституции в Оренбурге по месяцам, я позволю себе на основании чисто объективных данных, которые будут освещены ниже, высказать уверенность, что число домов терпимости (а, следовательно, и «осёдлых» проститутток) от месяца к месяцу прогрессировало, продолжает прогрессировать ныне и будет продолжать прогрессировать, поскольку не будут теперь же приняты меры к локализации этой ползучей язвы и к совершенному её уничтожению.

Что война способствует развитию проституции, а, следовательно, и сифилиса, это известно каждому... Перед моими глазами таблица заболеваемости сифилисом по губернии в 1921 году:

- в сентябре больших – 85;
- в октябре – 60;
- в ноябре – 22;
- в декабре – 28;
- в 1922 году:
- в январе – 159;
- в феврале – 186;
- в марте – 65;
- в апреле – 112;
- в мае – 25, и т. д.

*Продолжение (начало см. ГД №№ 9, 12)

Всего за десять месяцев 1922 года – 1086, за весь 1921 год – 1411.

Открываю ведомость сведений от вольнопрактикующих врачей за ноябрь (наугад) 1922 года:

сифилис – 12;
гонорея – 33.

Позвольте сказать словами Фурнье: «Бросьте факты и цифры, обратимся к здравому смыслу». Разве на самом деле Оренбургская губерния находится в таком благоприятном, в отношении венеризма, положении? Конечно, нет! – этого не может допустить наш здравый смысл после тех тяжёлых военных, стихийных переживаний, после насилий банд и «воинств»...

ПРОСТИТУЦИЯ НЕИСКОРЕНИМА?

«Среди рати виднейших учёных существовало мнение, что проституция неискоренима. Правда, это мнение высказывалось в условиях старых царских методов борьбы с ней. Так, известный сифилитолог профессор Тарновский говорил: «Уничтожьте пролетариат, распустите армию, сделайте образование доступным в более короткий срок, дайте возможность вступать в брак всем желающим, гарантируйте им спокойствие в семейной жизни и убедите всех жить нравственно, честно, по закону христианскому и тогда... и тогда всё-таки будет существовать проституция».

Как ни странно слышать это сейчас, но основную причину проституции многие авторы видят во врождённой порочности девушки как последствие вырождения. Особенно стойки к этой позиции некоторые учёные-женщины: доктор П. Н. Тарновская в доказательство приводит антропоме-

трические и биологические исследования проституток, показавшие, что их череп меньше, чем у сельских работниц, и ещё меньше, чем у женщин, занимающихся умственным трудом. Весьма снисходительно эти авторы «не могут не признать», что всё же громадное большинство проституток отдаётся своей профессии в силу социальных причин. Упадок общественной нравственности, незначительность умственного развития, общественные бедствия, войны, неурожай, экономические кризисы усиливают проституцию. С этих-то социальных причин следовало бы и начать.

Я недавно прочитал один из фельетонов Короленко: «Соня Мармеладова на лекции г-жи Лухмановой». Г-жа Лухманова – писательница, пользовавшаяся, по словам Короленко, в то время (фельетон написан в 1904 году) широкой известностью. Она, помимо пера, «обратилась к устному воздействию»: объездила разные города России и читала лекции о воспитании, о семье, о положении женщины и, главным образом, о нравственности. Г-жа Лухманова уверяла аудиторию, что проституция – продукт женской испорченности, а проституток называла тварями, животными и т. п. «милыми» словечками. Представьте же изумление общества и г-жи Лухмановой, когда в газете «Вольнь» появилось печатное возражение... проститутки из г. Харькова (там читалась лекция), в которой проститутка, дочь слесаря, работавшего в одной из мастерских за 80 коп. в сутки, рассказала, как она потеряла в тринадцать лет, будучи старшей в семье, отца и мать и оставлена была с двумя братьями и двумя сёстрами, как она поступила на табачную фабрику за 25 коп. в сутки (за семь рублей в месяц), как она носила в свободное время соседям воду из колодца за 50 коп. в месяц, мыла бельё, изнемогала, чтобы кое-как прокормить себя и четверых детей. Она рассказала, как она обходила все харьковские благотворительные общества, как много ей обещали, советовали и как, наконец, она бросилась на улицу. С тех пор «проститутка», не бросая фабрики, в свободные часы занималась проституцией – «брат учился ремеслу, а сестра работает

Les trois modèles de Worth, les modèles de Chanel et les modèles de Jenny. Les modèles de Worth, les modèles de Chanel et les modèles de Jenny. Les modèles de Worth, les modèles de Chanel et les modèles de Jenny.

TROIS JOLIS MODELES DE WORTH, CHANEL ET JENNY. Remarque dimanche dernier à Longchamp

у печки, читая книжку и готовясь к воскресной школе». Фамилия автора письма была приведена полностью; газетой были наведены справки, действительно, она оказалась работницей, содержащей... целую семью. Не есть ли это ответ всем тем, кто старается объяснить проституцию «природой», «наследственностью»?

Посмотрите социальный состав проституток. Из 375 зарегистрированных в 1911 году:

- прислуги – 170;
- ремесленниц – 35;
- фабричных – 34;
- живших на средства родителей или мужей – 48;
- содержанок – 33;
- портних – 9;
- мастериц – 6;
- нищенок – 6;
- продавиц – 5;
- актрис – 3;
- приютских воспитанниц – 1;
- хористок – 1;
- наборщиц – 1;
- учениц – 1;
- сестёр милосердия – 1;
- чернорабочих – 1.

Вы видите, что большинство проституток падает на наименее обеспеченных труженниц, живущих в более соблазнительной

обстановке (прислуга у богатых господ) – и это, очевидно, главное, а не вырождение».

РЕВОЛЮЦИЯ ЗАПРЕТИЛА, НЭП ВОЗРОДИЛ

«Другой причиной существовавшей проституции следует поставить общее положение женщины: политическое, экономическое, социальное. Дети, платье и кухня – вот тот круг, в пределах которого женщина могла проявлять свои личные качества, свои желания и даже свои протесты... Женщине отводилась почётная, но не всегда достаточная роль матери и воспитательницы, и на этом ставилась точка.

Но даже в вопросе материнства для женщин были установлены определённые ограничения. Закон, наказующий аборт, толкал женщину на изгнание плода через посредство знахарок и бабок, нередко губивших роженицу. А сколько самоубийств молодых женщин произошло на почве не разрешённого законом аборта! А институт церковного брака?! Женщина поистине оказывалась прикованной к супружескому кольцу, вынужденная волочить его за собой, даже когда супружеская жизнь... являлась органически невозможной.

Наконец, огромную роль в развитии проституции сыграло то воспитание, которое давалось и дома, и в школе нашим детям и которое имело целью скрыть, спрятать тайну полов, делая её этим ещё более желанной и нужной, а с помощью неподходящей среды – пошлой и грязной.

Революция прекрасно учла все изложенные выше причины проституции и одновременно с полным её запрещением приступила к осуществлению тех мероприятий, которые должны были при последовательном и упорном проведении не только практически, но и идеологически искоренить это социальное зло.

Раскрепощение женщины, полное уравнение её в правах с мужчинами – экономических, политических, социальных, свобода брака, свобода материнства (разрешённый аборт в больничной обстановке), охрана младенчества и детства в самом широком их значении, обязательное обучение женщин наравне с мужчиной,

совместное обучение, широкий доступ женщин в высшую школу – вот то наиболее существенное, что при успешном доведении до конца не могло бы не задушить проституцию.

На гряде столь близкого осуществления наших горячих надежд пришла новая экономическая политика. Произошёл надлом, наши затаённые желания оказались отодвинутыми другими нуждами, а переход на так называемый хозрасчёт, с сокращением служащих и рабочих, голод ещё более углубили его, дав возможность проституции воскреснуть, стать на ноги и вновь начать своё разлагающее дело...

Перейдём же к тому, как в условиях настоящего времени вести борьбу с проституцией, оздоровить условия нашего быта в половом отношении. Приступая к обсуждению этого вопроса, я ставлю себе два лозунга: первый – борьба не с проститутками, а с проституцией; это значит, все средневековые способы, наказание, уничтожение проституток мы должны отбросить. Облавы, уголовные суды над проститутками, изоляция их как проституток – меры неподходящие, вредные. Второй лозунг: мы должны противопоставить проституции такой уклад жизни (особенно юношества), такие формы разрешения полового вопроса, чтобы такая мера замерла сама собой за отсутствием спроса.

Начнём с ребёнка, системы желательного его воспитания в целях разумного ограждения его от проституции. Существует четыре элементарных способа полового воспитания ребёнка: а) устранение с его пути имеющих разлагающее влияние в половом отношении книг, картин, разговоров, товарищей; б) отвлечение его и занятие его досугом так называемой физической культурой, спортом, разумными играми, развивающими и физический, и умственный его мир; в) замена острых, чувствительных восприятий иными, но другого порядка острыми же восприятиями; г) правильное ознакомление его с половой физиологией и половыми болезнями.

Исключительную важность приобретает социальное положение женщины сейчас, когда массовые сокращения выбросили

LA BRODERIE DANS LES BLOUSES

на улицу безработных и когда высокие налоги до минимума свели количество рабочих и служащих частновладельческих предприятий. Продолжительная война, вырвавшая кормильцев и оставившая молодых женщин, жён и дочерей, без малейшей материальной поддержки, жестокий голод, давший организованную продажу женщин партиями (книга о голоде доктора Василевского: из Ташкента привозили в вагоны фрукты и хлеб, в обмен на которые в тех же вагонах из Уфы вывозили голодающих девушек), не говоря уже об одиночной торговле – в наиболее сильной, ужасающей степени, бросили на улицу женское тело. Мы наблюдаем сейчас уменьшение числа нищенок, взрослых девушек, сделались ли они нормальным путём сытыми? Нет, мы их находим в домах терпимости.

МИКРОБ НУЖНО ЛИШИТЬ ЖИЛЬЯ

«В целях изучения проституции и венеризма среди мусульманок города Оренбурга, мною было предпринято обследование нелегально существующих домов терпимости и отдельных проституток, разбросанных по всему городу. Обследование проводилось совместно с доктором Р. К. Сулеймановой.

Я прихожу к определённым заключениям, что:

1) домов терпимости в Оренбурге в том виде, в каком они существовали ранее, нет; отдельные квартиры (их немного) диссеминированы по всему городу (преимущественно на окраинах) и располагают от одной до трёх девушек осёдло, так сказать;

2) вместо домов терпимости выросли дома свиданий, содержатели которых знают квартиры проституток-одиночек, приглашая их к пришедшему гостю либо предоставляя кров ищущей его паре;

3) профессионалок-проституток крайне мало, по преимуществу это бедные женщины, подрабатывающие проституцией к своему другому чёрному труду;

4) ни одной так называемой старой проститутки мы не обнаружили; всё это тип новый, выросший на почве тяжёлых условий современности; есть девушки, занимающиеся проституцией всего лишь пять месяцев...;

5) большинство проституток г. Оренбурга вдовы;

6) одну-единственную причину приводят они в оправдание своего занятия – нужду; у одной умер муж, единственная опора, у другой от голода погибли все близкие, и после долгих дней нищества, после ночей под мостом, на вокзале, после того, как было продано всё, что было, и после тщетных попыток получить работу она продавалась, третья оказалась без работы (сгорела мельница, на которой служила), тоже нищенствовала, тоже искала заработка и, наконец, как неизбежное, пошла на улицу;

7) заработок проститутки ничтожен; живут они в ужасных условиях, настолько ужасных, что хозяйки квартир не берут с них никакой платы и, относясь к нам и к нашей задаче с очевидным доверием, умоляли найти самый тяжёлый труд, но дающий им хлеб или найти им мужей (этого особенно просят мусульманки);

8) сифилитическое не было обнаружено, больных перелом немного, что также

говорит о недавнем их занятии проституцией...

Я считаю, что борьба с проституцией должна быть поставлена в порядок дня Последнего и Красным Крестом. Оба они совместно могут взять на себя проведение тех практических мероприятий в виде организации помощи безработным одиноким женщинам, организации для них столовых, общежитий, разных домов для бесприютных, о которых подробно говорится ниже. Я считаю, что уклон, делаемый Красным Крестом в сторону организации больниц, неправилен. Гораздо полезнее и в тысячу раз важнее будет его участие в организации помощи социальным нашим недугам и прежде всего венеризму – путём профилактики его и путём содействия организации противовенерических диспансеров. Кардинальным вопросом женской безработицы необходимо серьёзно заняться Отделу труда и соответствующим его частям. Учреждениям и предприятиям нужно поставить на вид необходимость особой осторожности при увольнении женщин, обременённых семьёй, вдов, беременных, материально зависящих исключительно от службы, наименее устойчивых в борьбе за своё существование.

Само собой разумеется, что бирже труда следует предоставлять работу в первую очередь указанным выше категориям одиночек или вдовых с детьми женщин.

В период войны и первые годы революции в некоторых губерниях в связи с огромной безработицей были созданы специальные мастерские, заводы и предприятия, так называемые комитеты по борьбе с безработицей.

Бесприютные дети и бездомные женщины особенно многочисленны после тяжёлых кошмаров голода, со смертью всех близких; катастрофическое сокращение жилой площади оставило немало на улице. Совсем недавно, обследуя местные ночлежные дома, я натолкнулся на бесприютных девочек от девяти до двенадцати лет и на женщин, из которых первые, завшивленные и израненные чесоткой, содержались подачками тёмных обитателей ночлежки, а последние, судя по впалым щекам, раскра-

шенным лицам и вызывающей внешности, кормились продажей своего тела. Далее, беженство, дошедшее до минимума, всё же не прекращается, и женщинам-беженкам буквально некуда деваться; а куда пойти выписавшейся из больницы одинокой девушке, не имеющей не только квартиры, но даже необходимого платья?

Организация домов для бесприютных детей, домов временного пребывания женщин (до приискания должности, квартиры и т. д.), организация постоянных общежитий для одиноких женщин – вот ближайшие и существенные задачи дня, первостепенной важности задачи.

Ни для кого не секрет (я думаю, это хорошо должно быть известно и милиции), что существует множество домов терпимости, которые, однако, действительно «терпятся», как имеющие незначительное количество проституток и незначительный, избранный круг посетителей. Закрываются лишь мозолящие глаза дома. В этом вопросе необходимо быть строгим; микроб нужно лишить жилья. Подобные дома нетерпимы, их содержанием, сводникам и комиссионерам в торговле живым товаром должна быть объявлена борьба. Они-то первыми должны быть посажены на скамью подсудимых, и к ним должно быть применяемо столь же строгое наказание, какое применяется к самогонщикам».

БОРЬБА С ПРИТОНАМИ

На состоявшемся летом 1923 года Третьем Всекиргизском съезде zdravotделов был заслушан доклад «Социальные болезни и меры борьбы с ними в условиях КССР». Доктор Писарев, уделив внимание туберкулёзу, алкоголизму, перешёл к венерическим заболеваниям. Среди основных факторов, способствующих их распространению, он назвал «некультурность населения в сельских местностях, среди кочевого населения и проституцию по городам».

Докладчик довольно подробно остановился на освещении исследований своих коллег о проституции:

«Существует два совершенно противоположных взгляда на происхождение проституции: одни приписывают её, главным образом, внешним условиям, другие – внутренним причинам, вырождению торгующих собою женщин. Согласно второму взгляду (криминально-

антропологическому), влечение женщин к проституции лежит не во внешних условиях жизни, а в самой их организации – они являются наследственно предрасположенными, как бы рождаются проститутками...

Доктор Жбанков считает безусловно правыми тех исследователей, которые видят причины проституции и неправильной половой жизни не в патологии личного организма, а в патологии общественного организма и считают проституцию социально-патологическим явлением: неравноправное положение женщины, бедность и нужда, деление общества на неравноправные классы, положение женской прислуги и работницы, сиротство и беспорядочность, низкий уровень развития и неправильное воспитание, ненормальности брака, несовершенство организма в половом отношении – всё это факторы, имеющие громадное значение для существования и развития проституции. Значение бедности и нужды доказываются исследованиями всех стран: 90-95 процентов проституток наблюдается из бедных и низших слоев...

Печальным явлением общественной жизни служит детская проституция: сироты и беспризорные часто делаются жертвами разных притонов. Интересно отметить одно наблюдение: на заседании комиссии по борьбе с проституцией при Наркомате здравоохранения один врач сообщил, что когда у нас началась спекуляция с привлечением к ней мальчиков и девочек, эти маленькие торговцы на барыши, вырученные

за день, по вечерам собирались и устраивали невероятные оргии».

В резолюции по докладу доктора Писарева сказано:

«В условиях текущего момента нет возможности изжить печальное явление проституции, борьба с которой возможна лишь при полном осуществлении мероприятий, направленных к возможно полному удовлетворению права на труд, при широком распространении правильных взглядов на половую жизнь среди населения, при рационально поставленном лечении венерических заболеваний, общедоступном, квалифицированном и бесплатном, при энергичном осуществлении законом предусмотренных мер, направленных против лиц сводничества и притоносодержателей».

Тогда же были выдвинуты «основные положения, на которых должна базироваться борьба с проституцией: точный учёт безработных женщин и девушек от шестнадцати лет; организация из них трудовых артелей, домов-коммун; организация домов временного пребывания для безработных женщин и девушек по городам».

Предусматривались и меры, направленные к распространению правильного взгляда на половую жизнь среди населения: организация лекций по половой гигиене и венерическим болезням среди трудящихся и красноармейцев, правильная постановка преподавания гигиены в школах, введение основ физической культуры в школе, организация обществ борьбы с венерическими заболеваниями...»

Осенью 1923 года газета «Оренбургский рабочий» сообщила:

«За последнее время прокуратура особенно настойчиво стала преследовать лиц, которые занимаются вербовкой проституток и организацией притонов для них. Уже три человека по этому делу арестованы. В уголовном розыске имеется ещё несколько подобных дел».

В 1924 году, накануне Международного женского дня, создан Оренбургский губернский

совет по борьбе с проституцией. На своём первом заседании «совет счёл нужным провести однодневник по борьбе с проституцией», на что у губисполкома «испрашивается 200 рублей золотом». Обменявшись мнениями «по поводу организованной 2 и 3 марта в цирке инсценировки «Суд над проституткой», члены нового совета констатировали:

«В целях популяризации и внедрения в сознание пролетарских масс идеи борьбы с проституцией необходимо почаще устраивать подобные инсценировки, переводя их в рабочие районы. Дабы увеличить фонд совета, необходимо на этих инсценировках устраивать сбор пожертвований путём подписных листов, кружечных сборов, продажи открыток».

Летом 1924 года оренбуржцев готовили к проведению «трёхдневника по борьбе с проституцией». Губернская газета «Советская степь» под рубрикой «В борьбе с проституцией и венеризмом» сообщила:

«Кроме передовичной выставки из 38 эпизодов, демонстрирующих венерические болезни, комитет по проведению трёхдневника по борьбе с проституцией рассчитывает получить кинематографическую ленту, которая будет демонстрироваться на открытом воздухе для широких масс населения. Помимо лозунгов, бюллетеней и разного рода листовок выпущена стенная газета и предполагается проведение ряда сборов и обложений. В настоящее время комитет детально проводит подготовительные собрания среди студенчества, партийных, профессиональных и советских работников, месткомов для ознакомления трудящихся с целями проводимого трёхдневника».

Рядом опубликовано «Извещение»:

«Нижепоименованные товарищи мобилизуются губкомом РКП для проведения докладов в трёхдневник по борьбе с проституцией, каковым предлагается явиться в губком 22 августа в 5 часов дня для заслушивания конструктивного доклада... Явка в силу партийной дисциплины обязательна».

Оренбурженка О. Черняева прислала в редакцию «Советской степи» своё стихотворение «Красный фонарь»:

*Красный свет может быть и жутким,
Коль читает в подъезде лобой:
— Здесь на час и на ночь, на сутки
Продаётся любовь!*

*Да. Публичных домов фонари
Разлетелись в вихревом штурме.
Красный свет рабочей зари
Победил гаремные торьмы.*

*Все ли? Можно ли руки сложить,
Коль в аллее любого бульвара
Можно тело за деньги купить,
Точно пива пару?*

СОЦИАЛИЗМ — МОГИЛА ПРОСТИТУЦИИ?

В рамках упомянутого трёхдневника «Советская степь» напечатала огромную статью «Корни проституции и меры борьбы с ней», автор которой, обозначив себя инициалами М. Ш., информировал:

«Социализм — могила проституции. Советская власть провозгласила, что борьба с проституцией никоим образом не должна быть заменена борьбой с проституткой... Главное внимание законодательства обращено на борьбу со сводничеством и содержанием притонов, суровые кары ожидают того, кто совращает к разврату малолетних... На саму проститутку советский закон смотрит как на паразита, как на человека, живущего на нетрудовой доход. Проститутку как таковую наш закон не карает потому, что было бы крайне несправедливо карать её за занятие развратом, а мужчину, который её покупает, оставлять безнаказанным. Вот почему само по себе занятие проституцией у нас терпится».

Осенью 1924 года состоялся первый врачебно-санитарный съезд Оренбургской губернии. Среди четырнадцати вопросов под № 11 в повестке дня значилось: «Алкоголизм, венеризм, проституция и борьба с ними». Доклад по этому вопросу подготовил всё тот же доктор Гуткин,

накануне распространивший около пятисот анкет с вопросом: «Нужны ли дома терпимости?» Большинство ответили утвердительно: «Да, нужны». Что косвенно признавало необходимость этого зла и шло вразрез с основной идеологической установкой: «социализм — могила проституции».

В докладе доктор Гуткин зачитал и пояснения, которыми некоторые опрашиваемые сопроводили свои ответы: «Для борьбы с венерическими болезнями», «для удовлетворения естественных потребностей», «а как же удовлетворяться мужчине с физическими недостатками?»

Санитарный врач уделил внимание и новым формам борьбы с проституцией:

«Трёхдневник с точки зрения идеологической оправдал себя блестяще. Мы можем смело сказать, что этой организацией было взбудоражено, а, следовательно, заинтересовано всё население города. Наблюдались и казусы: помнится, обратился некий гражданин в фуражке путейца с заявлением о том, что там-то проживает, по-видимому, проститутка, примите, дескать, меры...; обращались и сами проститутки с просьбой дать труд, так как голод толкает на улицу. Не было ни одной организации, которая тем или иным путём не вложила своего участия. Одна ограничилась докладами, другая провела сборы, третья — отчисления, четвёртая организовала ячейку содействия. Союзы отдали свой труд бесплатно для нужной работы (полиграфшники, строители, сборщики). Проведено шествие по городу с движущейся выставкой в карнавале, прочитано до тридцати лекций-докладов. Организация выставочного окна на центральной улице, световые лозунги вечером —

все это вряд ли оставило хотя бы одного обывателя вне внимания к трёхдневнику и его целям».

Выполняя решение съезда, во всех крупных населённых пунктах губернии местные медицинские работники создали постоянные советы по борьбе с «венеризмом» и проституцией.

Один из членов оренбургского совета весной 1925 года писал:

«Отвергнув все старые меры борьбы с проституцией, фактически имевшие целью тем или иным способом закрепить женщину с билетом или без него, Советская власть нашла другие, более правильные пути — это полное уравнение женщины с мужчиной, это поднятие культурного, профессионального и политического её уровня и воспитание в ней сознания чувства высокого человеческого достоинства как истинной полноправной гражданки своего протетарского государства».

Вскоре на страницах губернской газеты «Смычка» появились сообщения об уголовном преследовании и наказании граждан «за содержание притонов разврата»:

«Милиция 1-го района стало известно, что в Успенском переулке в квартире германского подданного поляка Овчарика Петра имеется притон разврата: 30 марта 1925 года ночью в квартире Овчарика сотрудниками милиции действительно были задержаны две проститутки — Полетаева и Попова — и двое мужчин в пьяном виде. На предварительном и судебном следствии выяснилось, что на квартиру Овчарика действительно заходили женщины с мужчинами, выпивали и иногда ночевали. За эти услуги Овчарику платилось по 50 коп. и по 1 руб. (пуд муки стоил 5 руб. — Т. С.), причём Овчарик сам ходил за самогоном и выпивал его вместе с гостями. Несмотря на целый ряд улик и свидетельских показаний, характеризовавших Овчарика как алкоголика, попавшего благодаря своей страсти под влияние проститутки, Овчарик себя виновным в содержании притона разврата не признал. Однако суд нашёл его вину доказанной и, принимая во внимание первую судимость, службу в Красной Армии, темноту и несознательность, приговорил Овчарика к лишению свободы сроком на 1 год без строгой изоляции и без поражения прав с зачётом предварительного заключения».

На заседании президиума Оренбургского горсовета осенью 1926 года был заслушан доклад заведующего отделом здравоохранения Стацинского о работе

совета по борьбе с проституцией. Докладчик указал, что «широко развернуть работу по борьбе с проституцией не было возможности из-за отсутствия необходимых средств. Единственное предприятие, которое имеет совет по борьбе с проституцией, — номера «Гигиена», — не даёт больших доходов. Однако совет мог оказывать некоторую материальную помощь. За период с 16 ноября 1924 года по 9 октября 1926 года выдано советом бесплатных обедов на 630 рублей и 50 рублей деньгами».

Президиум горсовета признал «организационную работу совета по борьбе с проституцией удовлетворительной». Кроме того, «принимая во внимание, что совет не может из-за отсутствия средств хорошо эксплуатировать номера «Гигиена», предложено ГОКХУ расторгнуть имеющийся с советом договор и заключить договор с более подходящим предпринимателем».

Тогда же корреспондент «Смычки» утверждал:

«Пивные, всевозможные «Яры» и «Максимы» служат местами, где свила себе прочные гнёзда проституция. В центре города, возле городского театра, вечерами, затрагивая прохожих, теснятся проститутки. Очевидно, борьба с этим социальным злом ведётся у нас слабо. Необходимо применение более жёстких мер, в первую очередь — наблюдение за местами скопления граждан, во вторую — путём культурного воздействия. Лица, содействующие проституции путём предоставления квартир, должны караться в уголовном порядке. Город же нужно разгрузить от проститутки путём их выселки в административном порядке».

Под заголовком «Заброшенный участок работы» в 1932 году газета «Оренбургская

коммуна» опубликовала статью, авторы которой с возмущением писали:

«Мы ещё окончательно не ликвидировали оставленного капиталистическим строем наследия: проституции. Между тем в Оренбурге, судя по ряду факторов, борьба с проституцией начала замирать. Совет «тихо почил». Его созыва никак не может добиться заведующая трудовым женским профилакторием имени 8 Марта. Чем и как живёт профилакторий, как в нём перевоспитываются женщины, потерявшие по ряду экономических причин навыки к трудовой жизни, куда они уходят из профилактория и какова их дальнейшая судьба? Об этом ни одна из организаций не скажет, потому что работой профилактория никто не интересуется и не руководит.

Несмотря на все препятствия, профилакторий имеет достижения в работе. Ряд работниц, получивших квалификацию в профилактории, работают на швейной фабрике, некоторые оканчивают рабфак, работают шофёрами. Отзывы о них очень хорошие. Необходимо развеять холодок в отношении организации к профилакторию».

*Алла Васильевна Кириллова
родилась в Бугуруслане.
Окончила Оренбургскую
медицинскую академию
и аспирантуру при ней.
Кандидат медицинских наук.
Член Союза писателей России.
Автор книг:
«Горький запах»,
«Благословляю день».
Преподаёт в Оренбургской
медицинской академии*

Алла КИРИЛЛОВА

МЕДОВЫЙ СПАС

Здесь ветер с запахом клубничным,
Шуршат кузнечики в траве...
Иду дорогою привычной,
Чтоб раствориться в синеве.

Чтоб посреди родного луга
Упасть и слушать тишину...
Ромашка, милая подруга,
Посторожит, когда усну.

Здесь мне доказывать не надо,
Кто прав из нас, а кто не прав.
Здесь утро, поле и прохлада,
И шёпот полусонных трав.

Как грустно, что уходит лето...
Пустеет потихоньку сад...
Лишь астры мне поют куплеты,
Да с веток яблоки глядят.

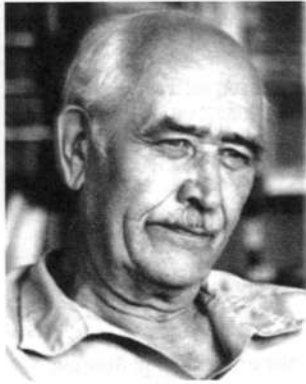
В истоме сладкой спас медовый
Прошёл, уж яблочный грядёт,
И август, звёздный месяц, снова
Меня с собою не зовёт.

Пройдёт ещё совсем немного –
И птиц весёлых примет даль.
И осень... Осень у порога...
И лета жаль...

Вот и подкралась нежданная осень,
Вот и берёза осталась вдовой.

Виктор ДОРОФЕЕВ

СИЛУЭТЫ ОРЕНБУРГА

Виктор Васильевич Дорощев родился в 1927 году в Ленинграде (Санкт-Петербурге). После первой блокадной зимы был вывезен в Оренбургскую область (село Сакмарск). Учился в Уральском (Екатеринбургском) политехническом (архитектура) и Чкаловском (Оренбургском) педагогическом (английский язык) институтах. Доцент кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета. Автор ряда работ по теории языка и истории нашего края и города. Член Союза архитекторов России. Почётный гражданин Оренбурга

У каждого человека своё восприятие окружающего пространства, также как и многого другого. Не случайно же говорится: на вкус и цвет товарищей нет. Но, так или иначе, в любой из областей существуют какие-то общие поля, объединяющие индивидуальные особенности, пусть и в разной степени. Возьмём цвет. Есть холодные тона, и есть тёплые, люди делятся по их восприятию: одним больше нравятся синие, другим зелёные, и так далее. Рассуждать здесь можно без конца. В данном случае это короткое вступление к разговору об истории и окружающей нас архитектурной среде, воспринимаемой по-разному. Касаясь истории, без уважения и знания которой нет настоящего будущего, следует подчеркнуть, что у города Оренбурга она интересна и своеобразна

Каждый населённый пункт имеет свои особенности, но такой, каковую имел Оренбург при своём появлении, не обнаружено: город три раза закладывали в разных географических точках и только один раз основали. Строился он как город-крепость, и планировочная структура имела прямую связь с этим функциональным назначением. В основных чертах эта структура ещё сохранилась и представляет собой центр исторического города. Вокруг крепости со временем появились слободки, отделённые от неё эспланадой – свободным от любой застройки пространством шириной в 130 саженей. На востоке был казачий Форштадт, на западе Голубиная слободка и на севере Новая слободка. Название последней, начавшей строиться в конце 1830-х годов, привело к изменению имени Голубиной, которую стали именовать Старой слободкой. В 1862 году крепость упразднили, в 1864

году закончили срыwać вал. Слободки, исключая Форштадт, начали сливаться с городом. Такова максимально краткая история развития города XVIII и XIX веков.

К историческому городу, статус которого Оренбург получил в 1970 году, относится территория крепости, бывшая эспланада и некоторые части слобод.

В период существования крепости было много разных напряжённых моментов и событий, ведь город находился на границе. Потом частота их немного убавилась, но они не исчезли. Усилились они в период смены власти во время гражданской войны. Естественно, что отражались и отражаются также смены политического строя, изменения хозяйственной и политической направленности (в провинциальных городах подобное часто заметнее, чем в столичных). Так, при самодержавной власти было естественно строить православные храмы, особенно в пограничном Оренбурге, где на азиатской стороне господствовали иные верования. В XVIII веке в крепости было пять капитально построенных православных храмов и одна инославная – евангелическо-лютеранская церковь. Колокольни она не имела и в силуэте значительно не выделялась. Лишь в начале XIX века по императорскому повелению в этой части города появилась мечеть, минарет её не был широким, но с высоким шпилем. В середине XIX века появилась и католическая церковь с одноярусной звонницей.

В этой части города здания в большинстве своём были одноэтажными на высоком цоколе и двухэтажными, некоторые с мезонином. Два дома второй четверти XIX века можно считать трёхэтажными, если учитывать антресольный этаж.

К концу века появилось первое пятиэтажное здание (Советская, 1). Этажная характеристика относительна,

Ленинская улица.
В перспективе – силуэт
Ленина, установленный
в сквере его имени. 1930-е гг.
Из фотофонда ГАО

так как высота самих этажей различна, но общую картину она в определённой степени даёт. В историческом центре её представляют высокие полутора- и двухэтажные постройки, да церковные колокольни, являвшиеся вместе с барабанами, куполами и главками выразительными доминантами.

На рисунке 1 дан в общих чертах силуэт Оренбурга середины XIX века.

В средней части светлым показаны Сакмарские ворота, за ними – Петропавловская церковь (на её месте сейчас сквер с памятником А. С. Пушкину и В. И. Далю). Петропавловская церковь прикрывает собой Вознесенскую при гостином дворе. Слева от гостиного двора возвышается Преображенский собор, справа – симметричный ему (относительно главной улицы) Введенский; ещё правее – Троицкая церковь. С правой стороны от Петропавловской церкви можно заметить минарет первой городской мечети.

Никаких существенных изменений, исключая упразднение крепостной ограды, не произошло далее в XIX веке и начале XX, была только реставрация или реконструкция зданий, пострадавших от весенних пожаров 1879 года, и замена деревянных построек кирпичными, не выходящими за пределы двухэтажности с высоким цоколем. В конце XIX века добавилась доминанта мечети «Хусания» с минаретом, по силуэту напоминающая колокольню западной церкви.

Строительство нового кафедрального Казанско-Богородицкого собора, завер-

шившееся в 1895 году, сюда не относится, так как храм возвели на бывшей эспланаде, которая в показанные рамки не входит. От его присоединения силуэт, как представляется, вряд ли мог выиграть, ведь собор имел очень большой объём, который заслонил бы центральную часть. Сам по себе собор был, разумеется, грандиозен. Стиль его – «неовизантийский» или «русско-византийский» – нравился большинству, но не всем. Так или иначе, но его снос был страшным событием.

Здесь как раз отразилось изменение политики нового государственного строя, одним из пунктов которой оказалась борьба с религией, что привело к массовому закрытию церквей, а затем и сносу большинства из них. Оренбург оказался в этой области, вероятно, одним из передовых. Из двадцати одной православной церкви (в это число не входят домовые церкви) нетронутой осталась лишь одна – Никольская в Форштадте.

Силуэт исторического центра значительно упростился, это видно на рисунке 2, где показаны те же места, что и на рисунке 1. Исчезли все выделявшиеся доминанты. Появилась одна новая доминанта – минарет мечети «Хусания». На значительно

однообразном фоне заметнее стала башня с часами современного музея истории Оренбурга. Здесь можно добавить, что с мечетями поступили осторожно: из семи городских мечетей, большинство которых было закрыто, минаретов лишились только две: первая мечеть и маленькая мечеть, здание которой относительно современного города находится во дворе госпиталя на улице Комсомольской, ранее тут была Николаевская площадь.

Хотя силуэт значительно «потускнел», сами по себе постройки оставались разнообразными по стилям, такими они входили в начало 1930-х годов.

Над всей застройкой нависла, однако, угроза: к 1936 году в Москве закончили работу над «Генеральной схемой планировки гор. Оренбурга». Согласно эскизу перспективы центральной части города, сносилось всё! Даже на берегу Урала не оставалось ничего из прошлого. Все кварталы были новыми по планировке. Хорошо, что из этого почти ничего не осуществилось, если не считать два больших здания по обе стороны улицы Советской у перекрёстка с улицей М. Горького, да ещё дом на углу Советской и Пушкинской, напротив областного краеведческого музея.

Проект гостиницы
(угол Пушкинской и Советской). 1930-е гг.
Из фотофонда ГАОО

Вид на ул. Б. Хмельницкого
со двора Сельскохозяйственной выставки.
Начало 1950-х гг.
Фото Б. Васильева

Уничтожению исторического города помешала Великая Отечественная война; а после неё и цели, вероятно, изменились, да и средств поначалу никаких не было. Так город спасся от дальнейших изменений.

После Великой Отечественной войны появилось возрождение исторических стилей. Обращение к ним началось в 1930-е годы, вероятно, при задаче создания социалистического стиля, что заметно на здании Дома Советов, где в рисунок вошёл ионического ордера вписан серп, есть и колосья.

Изменялись, разумеется, и объёмные характеристики. Во второй половине 1940-х годов обрёл свой нынешний вид драматр. Портик его решён с использованием дорического ордера, элементы которого употреблены и в решении других фасадов здания.

В исторических стилях решены постройки по улице Б. Хмельницкого, ансамбль которой не был

Дворовый фасад дома № 22
по Матросскому переулку.
Наши дни.
Фото В. Соколова

доведён до конца в связи с переходом к типовому строительству. Сейчас же многое подпорчено индивидуальными владельцами. Особенно выделяется дом № 22 по Матросскому переулку (напротив Дома Советов), построенный убеждённым классицистом архитектором А. Н. Постниковым, по проектам которого построено и большинство зданий на улице Б. Хмельницкого. Имеющий почти кубический объём дом № 22 воспринимается стройным благодаря удачному решению фасадов, где применён большой коринфский ордер, объединяющий пилястрами верхние этажи. На его парадном фасаде пластика усилена узким ризалитом с вертикалью полукруглой ниши. Зданиями того же направления, но более упрощёнными в плане декора, застроили периметрально площадку, ограниченную ныне улицами Гая, Постникова, Кобозева и подобием переулка от улицы Володарского до улицы Гая. Ранее это была часть эспланады, позже появились хлебные ряды как часть Хлебной площади. Строились дома этого направления и в бывших слободах, но здесь речь идёт только об историческом ядре и частично об эспланаде.

Вскоре наступила пора типового строительства, что никакой красоты и, тем более индивидуального характера принести не могло. Встали стандартные пятиэтажки и в центре. Потом девятиэтажная, Г-образная в плане, постройка заняла место целого квартала в бывшем городе-крепости – напротив Дома офицеров. Она явилась уже индивидуальным проектом, согласно которому соединились два здания с оживлением их галерей по второму этажу.

В эти годы родился термин «самолётная архитектура», т. е. удачный вид рисунка и распределения построек на макете. Центра города это практически не коснулось.

Наступивший в конце XX века период частного владения и индивидуально-проектирования заметных улучшений центральной части города не принёс, а некоторые ухудшения появились: краснокирпичные дома с заострёнными иной раз крышами и прочим не вписываются в историческую застройку, а реконструкция собственных квартир под магазины и конторы с заменой оконных проёмов дверными на лицевых фасадах многоквартирных жилых домов чаще всего не улучшает восприятия.

Не всегда улучшает положение и реставрация, совмещающаяся с реконструкцией постройки.

Особый случай вышел с бывшим домом Тимашева (Советская, 32), имеющим для Оренбурга большое историческое значение. Его решили несколько поднять и перепланировать. Жильцов отселили, но настоящую охрану не обеспечили. Поэтому в нём обосновались т. н. бомжи, результатом чего явился пожар, значительно повредивший часть постройки, два верхних этажа которой были бревенчатыми, но оштукатуренными. Следовало обязательно брёвна вернуть в постройку, требовалось

Фото Т. Прошова

обеспечить ими хотя бы кладку лицевого фасада мезонина, связанную, разумеется, бревенчатыми сторонами с новыми основными стенами. Это хоть и в небольшой мере, но обеспечивало бы связь с историческим прошлым постройки. Делается сие не слишком сложно: брёвна до разборки нумеруются, потом при восстановлении пришедшие в негодность заменяются. Автор данных записок видел эти брёвна, когда их увозили. Они производили впечатление качественных, следовало обязательно вернуть их. Это не было выполнено. Теперь на месте подлинного, исторического, стоит похожий на него дом. Есть и некоторые архитектурные недоработки, возможно, и временные; так, вынос карниза мезонина и всего с ним связанного значительно мень-

Знаменитые «лягушки» (сквер им. П. Осипенко). За ним, через улицу Краснознамённую, квартал чудесных и вполне исторических зданий, на месте которых ныне стоит девятиэтажная громада (см. верхний снимок). 1960-е гг.

Из фотофонда ГАО

ше, чем у оригинала. Но, самое главное, нет абсолютно никакого историзма, он равен даже не нулю, а минус единице, так как относительно исторического окружения, которое за одним исключением здесь сохранилось, дом выше.

С исчезнувшим домом связано много исторически значимых личностей. Останавливался здесь в 1829 году Александр фон Гумбольдт, выдающийся учёный и путешественник. Жили тут военные губернаторы П. П. Сухтелен, В. А. Перовский, часто

бывал В. И. Даль, а также многие видные специалисты тех лет. Даже Цесаревич Александр Николаевич (будущий Александр II) останавливался здесь; стало быть, сюда приходил и В. А. Жуковский, член небольшой свиты, сопровождавшей Цесаревича в 1837 году. Снимал квартиру в этом доме, вероятно, в мезонине, Аполлон Григорьев, когда в 1861 году преподавал в кадетском корпусе. Список гостей и постояльцев тимашевского дома можно расширить, но из перечисленного и так видно, какую богатую историю имел дом № 32 по Советской улице. Заходил ли сюда А. С. Пушкин, точно сказать нельзя, так как после внезапной кончины П. П. Сухтелена дом должны были ремонтировать под квартиру В. А. Перовского (он сменил почившего на посту военного губернатора).

В городе много построек исторического значения, но в большинстве случаев они связаны с одной личностью, тимашевский же дом буквально насыщен историчностью. В данном случае резко выступает пренебрежение к собственной истории. Касается это и советского периода, и постсоветского, ведь оценка событий и личностей, как мы видим, меняется иногда на прямо противоположную.

Дом Тимашева в недалёком прошлом и его руины

Фото Л. Терстгьисной

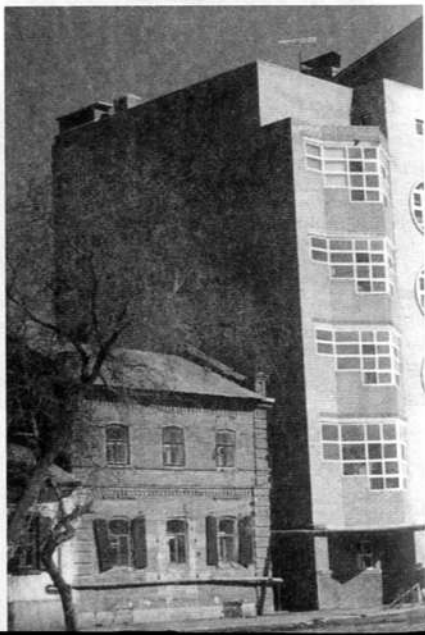
Касается это и вопроса авторства в архитектуре. Мы часто не знаем, кто на самом деле является истинным создателем того или иного здания, поскольку автор проекта подписывает именно только сам проект, оригинал, последний же может легко затеряться, поскольку проходит много инстанций. Так мы, например, до сих пор не знаем настоящего автора проекта здания на набережной, где теперь помещается музей истории Оренбурга. В одном из документов встретилась лишь фраза, что проект поступил из Инженерной дистанции, а там было несколько инженеров и архитекторов. В этом отношении хорошо было бы на будущее установить правило: в каждом здании, исключая типовые, следует иметь в интерьере табличку с указанием авторства. В наши дни такое правило было бы особенно полезно.

Мы живём в эпоху, когда наряду с положительными явлениями есть немало и отрицательных – в самых различных областях, но архитектура и здесь значительно выделяется. Восстанавливаются храмы, но не всегда в прежнем виде, а это тоже утраты, ведь нельзя исключить и значимости личности прежнего проектировщика, и каких-то значимых событий прошлого, прямо связанных с тем или иным храмом, его обликом. Это не касается, разумеется, перестройки в связи с изменением функционального назначения, что произошло, например, с Никольской приходской церковью, ставшей кафедральным собором. Другой пример: римско-католическая церковь, лишившаяся не только небольшой колокольни, но и всего остального, кроме наружных стен, даже молитвенный зал был разделён на два этажа и оконные проёмы разделены подоконными стенками. Ныне храм восстановлен. К сожалению, на противоположной стороне улицы (угол Сакмарского переулка и улицы 8-го Марта) возвели новый дом, который для данного места и самого города-крепости велик и заслоняет восстановленную церковь, если смотреть с северо-запада.

Совмещение несовместимого.
Фото Т. Громова

Представляется уместным сказать о некоторых новых зданиях, которым не место в историческом центре. Это очень новомодные дома с различными остроконечными завершениями как дополнительных объёмов, так и главного, с резким цветовым решением и другими нетрадиционными особенностями. Эти здания могли бы оживить территории с типовой застройкой. То же самое и с уже упоминавшимися постройками из ярко-красного кирпича. Считать его заменой лицевому кирпичу XIX – начала XX веков нельзя, он слишком ярок и однотонен. Сие отнюдь не означает, что он вообще плох, просто использовать его надо вне исторической застройки в особняках, которые у нас ошибочно именуют коттеджами. Коттедж это небольшой загородный жилой дом, у нас изба. Автору этих записок довелось однажды сопровождать проезжую американскую даму, она, когда при ней сказали: «А вот здесь у нас коттеджи», заметила: «Какие это коттеджи? Это виллы!»

Завершая свои записки, хочу призвать горожан обращать больше внимания на сохранение исторической застройки, препятствовать её уничтожению, хранить архитектурную среду города-крепости.

Анатолий Петрович Прусс родился в 1953 г. в посёлке Зелёнодальск Кваркенского района. После службы в Советской Армии окончил ОППИ и очную аспирантуру при кафедре досоветской истории СССР Московского педагогического института им. В. И. Ленина. Работал ассистентом кафедры Всеобщей истории, деканом исторического факультета Актюбинского университета, заведующим кафедрой Истории СССР и Всеобщей истории, заведующим кафедрой информационно-правовых основ управления и проректором по внешним связям института Управления при ОГАУ, начальником информационно-аналитического управления администрации г. Оренбурга. В настоящее время – заместитель начальника управления администрации Оренбургской области по информации и общественным связям. Кандидат исторических наук, доцент

Анатолий ПРУСС

КАКИМ ЗАПОМНИТСЯ НАМ СТАРЫЙ ОРЕНБУРГ?

Архитектурные этюды

Я никогда не жалел о том, что посвятил свою жизнь поискам красоты.

С. Т. Коненков

Вспоминается давний июльский вечер конца семидесятых... Душно. Тяжёлые облака плотно завесили низкое небо. Природа напряжённо затаилась. Вот-вот должен хлынуть живительный ливень...

*И рухнул
Полный ящик грома.
И, гневно хмурясь и грозя,
Плыла
Махиною гранёной
Молниеглазая гроза!...*

Оказавшись далеко от дома, решаю переждать надвигающуюся грозу у давних моих знакомых, благо их девятиэтажка совсем рядом.

Пока хозяйка, повинувшись законом гостеприимства, хлопотала на кухне, я рассеянно листал книги из их огромной и редкой по тем временам библиотеки. Случайно раскрыв одну из книг, замираю... Из небольшого томика в комнату заструились, переплетаясь с кружевом солнечных лучей, изящные стихи Людмилы Татьяничевой:

*Невзрачный, как простой валун,
Сравняться с камнем он не может
Но если мастер душу вложит –
Сравнится с золотом чугуна...*

И хотя поэтесса писала вовсе не о моём городе, воображением овладел неповторимый колорит тихих улочек старого Оренбурга. И вдруг открылось, увиделось, что всё это – затейливая вязь чугунных решёток, крылечки и окна казачьих построек Форштадта, уютные дворики исторического центра города – существу-

ет не только само по себе, что оно значительно тем, что запечатлело и сохранило жизнь ушедших в прошлое поколений, их надежды и радости, мечты и стремления, их смех и слёзы. На этом вот крыльчке, под этим вот окошком...

Так возникло желание написать архитектурные эподы...

КРУЖЕВО НАД ОКНОМ

«Нельзя примириться со взглядом иных архитекторов на дореволюционное зодчество Южного Урала как на незначительное, не заслуживающее изучения. Правда, архитектурная история его не насчитывает и трёх веков – довольно краткий период с точки зрения развития страны. Однако она существует, эта история. Южный Урал как эстафету принял многовековые русские градостроительные традиции, усвоил и продолжил их. Русские переселенцы, приноравливаясь к местным условиям, приспособляли свои постройки, селения к новому климату, пейзажному окружению и делали это умело, а подчас – просто талантливо. Какое разнообразие планировочных, композиционных приёмов поселений, архитектурных мотивов, конструктивных и декоративных форм! И всё это резонирует в окружении редкостного по выразительности южно-уральского пейзажа, вдохновлявшего не одно поколение русских художников и литераторов», – справедливо отмечает исследователь народных традиций в южно-уральском зодчестве М. П. Мочалова в своей книге «На полуденную сторону».

И действительно, замечательные образцы народного архитектурного творчества заслуживают самого пристального внимания. Своими истоками народная архитектура Южного Урала уходит в крестьянское

искусство XVIII века. В кажущейся простоте архитектурных деталей такое изящество и красота, такое чутьё пропорций и форм, которое отличает произведения только большого мастера.

В городских постройках детали декора значительно усложняются, иногда появляется излишнее украшательство, громоздкость, тяжеловесность форм. Подобное явление распространено в архитектуре старого Бузулука. А вот декор основной массы деревянных строений бывшего купеческого Бугуруслана, напротив, поражает тонкостью и великолепием ажурной резьбы на зданиях XIX и XX веков. Красив резной фриз дома № 28 по Красногвардейской улице, изумительны ажурные наличники дома № 60 по улице Кировской. Сквозная пропиленная резьба с элементами накладной удачно оттеняет стройность и лёгкость зданий. Орнаментальные мотивы резьбы – самые разнообразные: от простейших геометрических форм до сложного анималистического рисунка с изображением птиц и фантастических животных.

Дерево – материал довольно распространённый в архитектуре старых построек Оренбуржья. А вот искусство просечного металла – явление здесь всё-таки редкое. Возникновение его относится к отдалённым временам развития кузнечного дела и связано с появлением первых уральских железоделательных заводов. Этому способствовало и основание Оренбурга, создавшее условия для быстрого развития металлургии на Южном Урале. Если в 1734 году

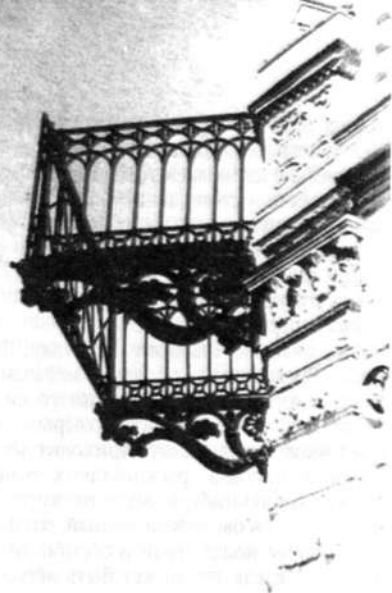
там было сорок металлургических заводов, то в 1767-м – уже сто четырнадцать. По выплавке чугуна Урал в то время вышел на первое место в мире.

В русском декоративном искусстве просечный металл нашёл применение уже в XII–XVI веках. Элементы декора, выполненные в этой технике, драгоценными жемчужинами разбросаны по городам и селам региона. Оригинально смотрится выполненный в металле наличник дома № 54 по улице Чернореченской в Оренбурге. Просечка здесь удачно сочетается с чеканкой, а мастерство исполнения свидетельствует о значительном развитии народного зодчества.

*В окне резном затеплится свеча,
Неясное наметится движение –
То женщина глядит из-за плеча
В зеркальное свое изображение...²*

НЕВЕСОМЕЙ «ПАУТИНКИ»

Оригинальный архитектурный декор старинных зданий Оренбурга создаёт особое ощущение, донося до нас колорит прошедших эпох. Отмеченные им дома радуют глаз гармонией орнамента, чёткостью композиционного построения. В городе ещё сохранились здания, украшенные балконами с затейливыми металлическими парапетами – то из литого чугуна, то из кованого железа.

До середины XVIII века в России в ходу были решётки (самого разного назначения) из кованого железа. Позже кованое железо уступило место чугуному литью, но, начиная с последней четверти XIX века, интерес к кованому железу постепенно возродился, и оно вновь завоевало себе место в городской архитектуре*.

Оренбургские здания того периода сохранили ажурный металлический декор и из кованого железа (ул. Чичерина, 69), и из литого чугуна (ул. Бурзянцева, 37).

Это далеко не единственные примеры. Если пройтись по старому Оренбургу – пройтись не спеша, поглядывая по сторонам, высматривая красоту под наносами времени, – много чего может открыться внимательному взгляду.

Вот, совсем недалеко от сада имени Фрунзе, великолепный образец металлического декора (ул. Чернореченская, 52). Кованые, причудливо изогнутые железные пластины украшают оригинальный козырёк крыльца. В центре узора – древнейший символ

*В последние годы замечается обратное изменение в ценах некоторых из наиболее употребительных строительных материалов, а именно – стали и железа. Между тем, как стоимость дерева, вследствие почти повсеместного истребления лесов, возрастает, цена же на железо, вследствие расширения производства, всё более и более понижается... («Зодчий», 1887, №1. С. 173)

солнца. Крыльцо прячется в густой тени от обступивших его деревьев, но от этого металлические кружева смотрятся ещё эффектнее и чётче – стоит лишь солнцу бросить на них щедрюю горсть своих лучей.

*Там, за окошком, рядом
Тихо шумит сирень,
А из пустого сада
Листья бросают тень...³*

Дом № 6 по Рыбному переулку... Ещё один прекрасный образец металлического декора, но уже из чугунного литья. Смотришь на орнамент козырька над крыльчком – и на память приходит лёгкая сквозная паутина, раскинутая в тонких ветвях какого-нибудь лесного куста... А ведь, казалось бы, тяжеловесный, грузный, не слишком податливый в обработке материал, и какая тут может быть лёгкость, даже воздушность? Но искусство старых мастеров таково, что тяжёлый (конечно же, тяжёлый!) металл предстаёт воздушной и невесомой оренбургского пухового платка...

ЧЕКАННЫЕ УЗОРЫ

Живёт узор старинных зданий, сплетается в чудесную орнаментуку, несёт сквозь годы мощь и красоту таланта старых мастеров. Посмотришь на какой-нибудь дымник, возносящийся над крышей, и видишь, что это не просто завершение печной трубы, служащее для защиты от дождя, а весьма искусное творение, подлинное произведение искусства (ул. Канарейкина, 11).

То же можно сказать и о водосточной трубе (ул. Рентгена, 6), – она до того за-

тейливо украшена кружевом из жести, что забываешь о практическом её назначении: служить для отвода воды с крыши.

Полезность детали декоративного убранства дома сочетается с её внешней эстетичностью – это закономерность народного творчества.

Несмотря на некоторую наивность исполнения (что в какой-то мере свойственно любому виду непрофессионального творчества), детали декора ещё и ещё раз заставляют восхищаться искусством народных умельцев.

Вот, например, дом № 151 по улице Комсомольской, можно сказать, кладёшь разного рода жестяных узоров. Приглядишься к ним – и точно воочию видишь, как работал мастер... Сначала на лист железа наносился рисунок, и по нему – шагком за шагом – вырубался узор, сплетаясь в затеяливую, подсказанную опытом и фантазией ажурную вязь. Инструмент простейший: зубило да молоток. Но, вырубив узор, мастер обрабатывал каждую деталь орнамента специальной «гладилкой», выравнивал края напильниками разных размеров и форм, – их у него, как правило, водился целый арсенал.

Таким способом выполнены и подзоры козырька над крыльчком, и водосточные трубы.

С последними было, конечно, куда сложнее, чем с плоским подзором. Небольшого диаметра, эти трубы к карнизу расширяются, а затем, огибая их, стремительно выносятся наверх, завершаясь чудесным, изящным по очертаниям гребешком. Примеча-

тельно, что все конструктивные детали соединены без сварки, посредством ручной клепки, но чрезвычайно аккуратно.

Интересны и ворота. Простые, даже несколько тяжеловатые по форме, они являются важным элементом художественной выразительности здания, гармонично вписываясь в общее звучание и свою ноту. Декоративные короны над стойками ворот – это тоже и красота, и польза (короны призваны служить вполне прозаичной цели: защите деревянных стоек от дождя).

Многообразие и богатство декоративных элементов не затмевает, а наоборот, подчёркивает своеобразную красоту здания. И отсюда то особое очарование, чудесная музыка металлического узора, которая заставляет прохожего, забыв на миг о повседневных заботах, смотреть и смотреть на это удивительное творение человеческих рук.

ЗАГАДКА УЗОРА

Существование специальных классов мастеров и ремёсел в Российской Академии художеств было узаконено «Установлением о мастерствах» от 18 марта 1764 года. Поначалу преследовались узкопрактические цели: не проявивших больших способностей, но уже получивших общее образование учеников решено было обучать ремёслам.

В конце XVIII века декоративно-прикладному искусству в стенах Академии художеств ежегодно обучалось до пятнадцати учеников. Имелось и Наставление мастерам, своеобразный Устав: «...делать <...> карнизы, простые и с резьбою, из одного чистого толчёного мрамора или, в недостатке, из алебаstra, дабы чрез то не было одновременного в нём от разных материалов засыхания».

Возможно, что некоторые из выпускников прикладного класса попадали работать и в отдалённый Оренбургский край. По крайней мере, дошедшие до нас декоративные украшения некоторых зданий Оренбурга убедительно говорят о мастерстве их создателей. Вот, к примеру, дом № 75 по улице Чичерина, известный среди оренбуржцев как «старый ЗАГС». Время

стесало первозданную чёткость и глубину рельефа на его стенах, да и наслоения от многочисленных побелок дают себя знать. Но и то, что дошло до нас, поражает оригинальность композиционного построения и мелодичностью узоров.

По фризу здания стройными аккордами бегут небольшие выступы кирпичей, завершая общую структуру композиционного оформления. Привлекают внимание узкие окна, украшенные своеобразными лепными наличниками. В одном – мастерски вписанные ветви роскошного дерева с аккуратно вылепленными листками, в другом – скрытая загадка...

Какой простор для мысли и труда!

Какая сила дерзости и воли!

Кто, чародей, в необозримом поле

Воздвиг потаемству эти города?

Кто выстроил прелёты колоннад,

Кто вылепил гирлянды на фронтонах,

Кто среди степей разбил испепелённых

Фонтанами взрывающийся сад?!

Стилизованные дубовые листья обрамляют строгий круг с витиевато вылепленными из алебаstra буквами: ЯСД. Что кроется за ними? Инициалы мастера, замыслившего и воплотившего эти лепные украшения? Архитектора, по проекту которого строился дом? Или самого владельца дома, поэже-

Фото В. Соломова

лавшего таким образом увековечить своё имя? А может, знак, символ, сокращённый девиз какого-нибудь тайного общества, понятный лишь посвящённому? Ведь такие общества существовали не только в Москве да Санкт-Петербурге...

Разгадки нет.

И будет ли когда, неизвестно. Каждый год навсегда уносит от нас старые дома. Уносит десятками, уносит целыми кварталами и улицами. А вместе с ними, уступая чьей-то корысти, исчезает и сама душа города.

НЕСТАРЕЮЩАЯ КРАСОТА

Город стремительно растёт и вширь, и ввысь. За последние десятилетия появилось несколько совершенно новых микрорайонов. Типовые многоэтажные здания решительно вытесняют неповторимые домики разных лет постройки.

Дошла очередь и до Форштадта – оригинальнейшего казачьего поселения прямо за стенами крепости, какой некогда являлся Оренбург. Точнее, не за стенами, а за земляным валом, окончательно исчезнувшим только после Великой Отечественной войны. Обширный, простирающийся от улицы Маршала Жукова чуть ли не до

улицы 60-летия Октября. Скатывающийся к Уралу узкими витиеватыми улочками в кудрявой зелени садов за высокими деревянными заборами...

*И город – в яблонях и клёнах,
В узорах тропок и дорог –
Лежал доверчиво у ног
Как тёплый, ласковый котёнок...⁵*

Ныне от Форштадта осталось самая малость, можно сказать, совсем ничего. Да и эта малость тает на глазах. Сносятся последние старые дома, уступая место ультрасовременным особнякам, вместе с ними навсегда уходят от нас и образцы декоративного оформления казачьих построек. А зачастую именно в оформлении выражал хозяин свои представления о прекрасном, свои мечты и надежды...

Вот, к примеру, дом № 30 по улице Степана Разина. Жестяная труба для стока воды, украшенная, словно царская корона, ажурная вязь козырька над крыльцом, жестяные цветы по его периметру... А в центре композиции – искусно вписанные цифры: «1914». Те, кто в тот год вселился в новый дом, думали, что будут жить здесь дружно, счастливо и долго. Но мы-то знаем: 1914 год – это начало первой мировой войны. А затем, без перерыва и продыху –

две революции, гражданская война, разделившая семьи, поставившая жирную точку в истории казачества. И где теперь, в каких краях потомки тех, кто строил этот дом и любовно украшал его?

«ХРАНИТ УЗОР РУК МАСТЕРА ТЕПЛО...»

Огромный опыт самобытного архитектурного творчества заключает в себе богатое историческими событиями Оренбуржье. Край наш очень интересен в этом отношении ещё и потому, что расположен на стыке двух цивилизаций...

*Азиатская ересь в славянской крови
и тоска по пространствам*

*бескрайним, –
это тот вечный зов,
что сильнее любви,
та тревога, что мучает втайне...⁶*

Это своеобразие нашло своё отражение не только в формировании особой – евразийской – ментальности у здешних жителей, чрезвычайно терпимых к любым невзгодам и бедствиям, но и в местном

многонациональном искусстве. Самобытная архитектура Оренбурга, Орска, Бузулука, Бугуруслана заслуживает того, чтобы сохранить её для истории, для искусства будущего. И где как не в этой области – непечатый край интересной для краеведов и необходимой для нас работы?

Настоящее стремительно становится прошлым, но мы, привыкшие считать прошлым только то, что было задолго до нашего рождения, равнодушно проходим мимо ещё существующего, наивно полагая, что это неизменно, что это – навсегда. Опасное заблуждение! Надо торопиться. Спешить записывать рассказы старожилов, фотографировать, старательно зарисовывать в альбомы не только дома целиком, но и их фрагменты, детали, элементы отделки: части окон, дверей, ворот, крылец, наличников, затейливое обрамление водосточных труб, дымоходов и т. д. и т. п. Необходимо точно запечатлеть всё, чему грозит беспощадное время.

Это и есть настоящий патриотизм, истинная любовь к Родине.

Примечания:

¹Елин Илья. После грозы//Вечный берег: Два века поэзии Оренбуржья. Калуга, 1994. С. 123

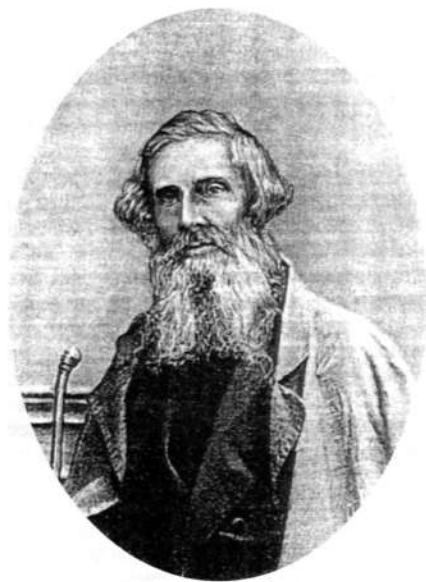
²Кожевникова Наталья. Лики любви. Калуга, 1992. С. 13

³Потова Светлана. Жизнь наудачу... С. 11

⁴Заболоцкий Н. А. Столбцы и поэмы... С. 205

⁵Бехтерев Игорь. В том городке. М., 1983

⁶Трифилев Владислав. Мгновенье. Калуга, 1994. С. 101-102

Г. П. МАТВИЕВСКАЯ,
доктор физико-математических наук

И. К. ЗУБОВА,
кандидат физико-математических наук

«ВНОВЬ УВИДЕТЬ ОРЕНБУРГСКИЕ СТЕПИ...»

*Приезд В. И. Даля в Оренбург
летом 1859 года*

Восьмилетний оренбургский период жизни В. И. Даля (1833-1841) сыграл важнейшую роль в становлении выдающегося писателя и учёного, автора бессмертного Толкового словаря живого великорусского языка. В пограничный город-крепость на Урале он приехал в 1833 году в возрасте тридцати двух лет в роли чиновника особых поручений при военном губернаторе В. А. Перовском.

К этому времени за его плечами был богатый опыт морского офицера и военного хирурга, он успел получить известность как литератор, печатавший под псевдонимом Казак Луганский повести и сказки, вызывавшие большой интерес у читающей публики. Карьера чиновника, начавшаяся для Даля в Оренбурге, не помешала ему продолжать занятия литературой и проявлять свои разносторонние способности в науке, особенно в зоологии: в 1838 году за исследования в этой области он был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук!

Оренбургом были связаны главные события в личной жизни В. И. Даля. Сюда он привёз сразу после свадьбы молодую жену Юлию Егоровну, урождённую Андре, с которой счастливо прожил

здесь пять лет. Она неожиданно скончалась в 1838 году, оставив двух детей (Льва-Арслана и Юлию), и была похоронена рядом с умершим ранее годовалым сыном Святославом.

В 1840 году Даль женился вторично – на Екатерине Львовне Соколовой, дочери тогда уже покойного оренбургского помещика Л. В. Соколова, героя войны 1812 года, одно время занимавшего должность полицмейстера Оренбурга. В связи с ним В. И. Далю довелось проявить своё искусство хирурга: произвести ампутацию травмированной в бою руки, которая воспалилась и угрожала гангреней. Сама Екатерина Львовна получила образование в столичном Патриотическом институте благородных девиц. В 1841 году в Оренбурге, перед отъездом Даля в столицу, родилась их старшая дочь Мария. Следующие две дочери появились на свет уже в Петербурге: Ольга в 1843-м, Екатерина в 1845 году.

До 1849 года В. И. Даль служил чиновником особых поручений при Л. А. Перовском, брате В. А. Перовского, возглавлявшем два министерства: уделов и внутренних дел, а затем был назначен в Нижний Новгород на должность управляющего местной удельной конторой. В 1859 году В. И. Даль вышел в отставку и переехал в Москву, где жил и работал над составлением своего «Толкового словаря» до самой смерти, последовавшей в 1872 году.

Напряжённая служебная деятельность не оставляла Далю времени для путешествий и не давала повода вновь посетить Оренбург, где жила с семьёй его сестра Александра Ивановна. Её муж, датчанин по происхождению, Пётр Осипович Кистер (или Кюстер), военный, дослужившийся впоследствии до чина генерал-майора, был в 1837 году по протекции В. И. Даля переведён из Астрахани в Оренбург, где служил до самой отставки. К семье сестры перешёл после отъезда Даля дом, купленный им в 1836 году: на генеральном плане построек за 1852 год он значится как владение «вдовы статского советника Ульяны Христофоровны Даль»² (матери Даля), а на более поздних планах называется домом полковника Кистера³. В 1845 году Кистеры приобрели имение в Ташлинской волости Оренбургского уезда⁴, которое граничило с именем Любови Львовны Соболевой, родной сестры Екатерины Львовны Даль.

Таким образом, связей с Оренбургом семья Даля никогда не прерывала.

Однако в опубликованных биографиях В. И. Даля упоминаний об этом нет, и складывается впечатление, что побывать в Оренбурге ему больше не довелось. Оказывается, это не так. Недавно мы познакомились с документом, который свидетельствует, что в 1859 году он с семьёй посетил Оренбург и провёл в имении сестры целое лето.

Этот документ – неопубликованные воспоминания его дочери Ольги Владимировны Демидовой, машинописная копия которых хранится в Центральном Государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ)⁵. Они гораздо менее известны, чем мемуары её младшей сестры Екатерины Владимировны Даль, частично опубликованные в 1878 году в журнале «Русский вестник»⁶. Оставшиеся ненапечатанными главы этих мемуаров, касающиеся Оренбурга, которые обнаружила А. Г. Прокофьева в рукописном отделе Института русского языка и литературы РАН (ИРЛИ, Пушкинский Дом)⁷, опубликовал в 1995

году в двух первых своих номерах альманаха «Гостиный Двор»⁸.

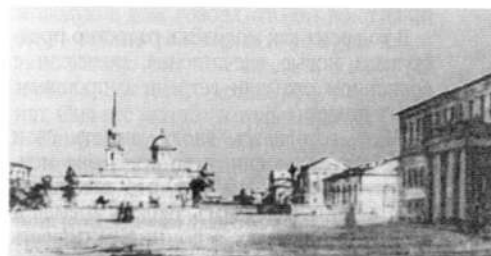
Е. В. Даль пишет о поездке с отцом в Оренбург в той части своих воспоминаний, которая осталась неопубликованной, но пишет совсем немного. Её сестра даёт подробное описание этого путешествия. Ниже приводятся соответствующие отрывки из воспоминаний О. В. Демидовой.

Она рассказывает, что когда весной 1859 года В. И. Даль подал прошение об отставке, он получил трёхмесячный отпуск, и его близкие настояли на поездке в Оренбург. Кроме родителей, в путешествие собирались отправиться жившие с ними бабушка Анна Александровна – мать Екатерины Львовны, и сестра последней Наталья Львовна («тётя Наташа»), а также дети, все уже почти взрослые. Лев-Арслан как раз окончил Академию художеств в Петербурге и собирался в длительную заграничную поездку, которой премировались лучшие выпускники этого учебного заведения. Юлии был двадцать один год, Марии – восемнадцать, Ольге – шестнадцать, Екатерине – четырнадцать.

Даль сначала несколько испугался перспективы столь дальней дороги в слишком многолюдной компании. Вот как пишет об этом его дочь:

«Сорок лет прослужил и только раз брал отпуск, – сказал он, – а тут накануне отставки навязывают его мне насильно. Что же оставалось делать? Сидеть в той же удельной конторе... А что если бы воспользоваться летом и съездить всей семьёй в Оренбург на кумыс? – пришла в голову кому-то благая мысль... Наташе кумысное лечение очень помогло, может быть, оно будет хорошо и для Маши с Катюю. Каждый

Площадь в Оренбурге. Середина XIX в.
Рисунок А. Чернышова

думал и об отце, но ему этого никто не выжал. В Оренбурге жила его сестра Александра Ивановна Кюстер с мужем. У них было имение в 120 верстах от города, и там, межа с межою, было имение и сестры мастера, тётки Любы, к которой и ездила иногда на кумыс Наташа. И это лето Наташа уже уехала туда. В первую минуту отец, кажется, испугался такой мысли: перед ним стоял призраком переезд в Москву, а тут ещё затевают прогулку в Оренбург. Но мы дружным напором взяли отца приступом, и он дал согласие: «если Арслан проводит нас», — сказал он».

Все очень любили Александру Ивановну, «танточку», как звали её племянницы, единственную из сестёр и братьев Даля, оставшуюся к этому времени в живых, и радовались встрече с ней и Петром Осиповичем. «В продолжение десяти лет старики Кюстер чуть не каждую весну собирались к нам. Наверное, и этот год они думают о том же, и вдруг... мы сами к ним приедем. Всей семьёй, чуть ли не целым табором», — пишет Ольга Владимировна.

Екатерина Даль в своих воспоминаниях также упоминает о Кюстерах (Кистерях). Особенно волнует её рассказ о том, как в доме Далея в Нижнем Новгороде умер от «бича семьи», чахотки, сын Кистеров Петя, одиннадцатый их ребёнок. Тогда по просьбе Владимира Ивановича все его дочки, младшая из которых была ещё совсем маленькой, по очереди ходили в комнату тётки, пытались её утешать и просили считать их не племянницами, а почти дочерьми...

В 1859 году у Кистеров оставался только один сын Фёдор, «Федраша», который служил в Польше. Сами они, люди уже пожилые, жили вдвоём в своём поместье Петровке. Решено было устроить им сюрприз.

В то время как молодёжь радостно предвкушала новые впечатления, родители с волнением ожидали встречи с прошлым. Ольга пишет:

«Мать готовилась вновь увидеть свои Оренбургские степи, о которых она мечтала всё время с тех пор, что рассталась с ними. Она радовалась увидеть ковыль и вдохнуть тот воздух, вспомнить молодость

и забыть эти хворые годы, отделявшие её от того счастливого молодого времени».

Наконец, семейство тронулось в путь, добралось до Симбирска, где заночевало. И надо же было такому случиться! Тётушка с дядюшкой в это самое время тоже решили сделать сюрприз родным!

«Сказались теперь, — рассказывает Ольга, — что в эту самую ночь катил по городу старинный тарантас и в нём сидела старенькая усталая парочка. Она въехала с противоположной стороны города и, не разыскивая себе спокойного приюта на ночь, остановилась прямо на почте, где и расположилась на отдых, сделав больше полпути своего долгого путешествия из Оренбурга до Нижнего. Старики пробирались в ту самую удельную контору, из которой выехала вся наша семья на побывку к ним...»

Позже, когда Кистеры уже уехали, Лев на почтовой станции заглянул случайно в дорожную книгу, увидел там фамилию дяди и понял, что они разминулись. Но ничего другого не оставалось делать, как продолжать путь и ждать в Петровке возвращения хозяев.

Наконец, путники достигли Оренбурга, который, может быть, в виде самых туманных воспоминаний сохранился в памяти старшего брата: его увозили отсюда семилетним. Юлия и, тем более, Мария не могли помнить города, в котором родились, остальные две сестры видели его впервые. И всем им, таким юным и весёлым, трудно было понять чувства родителей...

«Когда наконец мы были близко от Оренбурга, то мать стала как-то особенно беспокойна и нетерпелива. Ей хотелось видеть его издали и хотелось смотреть вместе с отцом, вспоминая былое. Они увезли отсюда Машу шестинедельную; ей теперь было 18 лет. О чём мать думала, что перебирала в своей голове — мы не знали и не могли её понять. Когда город был уже влёт, мы вышли из тарантасов. Вышла и мать. Они шли под руку с отцом, а он нам рассказывал про Пугачёва. Батя* указал нам место его стоянки и описывал

*По свидетельству О. В. Демидовой, дети Даля всегда называли отца батей

всю осаду Оренбурга и положение жителей, о чём он слышал в дни молодости живые рассказы от тогдашних старожилов. Мы шли по шагам Пугачёва и вместе с ним вошли в городские ворота.

В городе мы пробыли целый день и всё время были на ногах. Отец возил нас по ту сторону Урала на Меновой двор. «Вот мы и в Азии», — сказал батя, едва мы переехали реку, направляясь к хорошенькой небольшой рощице, любимой прогулке городских жителей. Роща была влёт за красивым, но не широким Уралом. Невдалеке была не то ярмарка, не то базар с торговлей в лавках и под открытым небом, где сидели на разостланных коврах киргизы и башкиры, утопая в восточными лакомствами, и где мы наконец увидели живого верблюда не в зренище, а на воле, как полезное животное.

Мы ходили, осматривали и готовы были купить все диковинки Меновой двора (которых теперь я уже не помню). Но отец уговаривал нас сделать это на обратном пути и мы удовольствовались лишь покупушкой азятских сластей: разного рода фисташек в сахаре, называемых там манною... Мы наелись её столько, что — напившись ещё впервые кумыса, — расстроили себе животы.

Отец входил в разговоры с продавцами на непонятном для нас языке, уверяя, что совсем отвык говорить, а понимает легко. Беседы эти способствовали мимолётной дружбе, которая, между прочим, выразилась тем, что одну из нас посадили на верблюда и покатали.

С закатом солнца вернулись мы в город, а на рассвете выехали из Оренбурга. Мать наслаждалась своими степями. Она вздыхала; глядела задумчиво своими тёмными глазами, отмахивалась от нашей надоедливой болтовни и однажды вдруг громко потянула в себя воздух и, широко открыв глаза, бодро, молодо, весело закричала: «Ах, пахнет! пахнет!» — и потянулась вон из экипажа. Нам всё это казалось и смешным и нежным. «Мать! Нюхай, запах!» — кричали мы ей иногда со смехом. Для нас это был просто степной душистый воздух, а для матери — именно тот, который возвращал её давно прошедшее».

Особенное впечатление произвела на автора воспоминаний встреча с давним другом отца, к которому они завернули по дороге. Мулла Абдулла Давлетшин, учивший в своё время В. И. Даля татарскому языку, жил теперь в «местечке», по-видимому, Татарской Круге. Встречу с ним в 1859 году мимоходом упоминает и Екатерина Даль.

«На полпути мы остановились в местечке, где жил бывший мулла Абдула Давлечин, — продолжает Ольга, — нынче полковник в отставке. Давлечин старый отцовский приятель. Он по-восточному ходил в халате, но уже умел по-европейски стесняться дамами, которых невольно принимал в таком виде. Нас провели на женскую половину, где мы видели двух его жён. Одна молодая, другая старая, которая была сумасшедшей, но совсем тихая. Она только плакала и молчала. Сам Давлечин рассказывал, что она помешалась с горя от его второй женитьбы, что он обещал ей когда-то не брать второй жены в дом, а когда она стала стариться, и вести дом ей становилось трудно, то он увидел, что без молодой жены плохо; тогда он просил её не сердиться, если он возьмёт молодую в дом, говоря, что он по-старому будет любить её и молодая её будет почитать. Ничего она не сказала, а только всё плакала. Вот скоро десять лет, что он женат. Она всё молчит и только плачет».

Наконец, цель поездки была достигнута: «К вечеру мы приехали в имение Кюстеров. Через дорогу была Тёпловка, имение Собо-

Екатерина Львовна Даль,
урождённая Соколова

левых. Оттуда нагрянули все родственники и ввиду отсутствия хозяев в Петровке увели нас всех к себе».

Далее следует описание родных матери: тёти Любы, или «Любиньки», красивой и доброй, её дочки, тётки и ровесницы автора, которую девочки Даль дружно презирали за избалованность и «стремление казаться хорошенькой», и дяди Фёдора Михайловича, который был «по привычкам своим чисто русский мужичок, простой, добрый, но ловкий и плутоватый». Затем автор воспоминаний переходит к описанию своего времяпрепровождения.

«Около трёх недель мы жили в Петровке без хозяев; жили, т. е. ночевали и пили чай по утрам, весь же день проводили в Тёпловке. Лев немножко отделился от нас и мало бывал в Тёпловке. У него были свои знакомые и он развлекался довольно много. Между прочим, он посетил Илецкую Защиту, откуда навёз нам пропасть вещиц, выделанных из каменной соли, и много рассказывал о красоте пещер, высеченных в соляных залежах; все украшения, колонны, всё было из соли.

Сама Петровка... замечательно скучное место... Правда, что красота местности вокруг заставляла забывать это голое, сухое, неудобное помещение...

Когда вернулись из Нижнего усталые путники, то застали нас в своём доме чуть ли не полными хозяевами. Расположились мы, впрочем, довольно скромно, заняв заднюю комнату, в которой все четверо спали на полу на сене, а мать тут же на кровати. С приездом танточка мы три остались с матерью, а Юлю танта взяла к себе. Приезду их Юля была несказанно рада и с этого времени больше Петровка не покидала, пользуясь всеми одинокими минутами, чтобы проводить их с тантою, в немецких излияниях.

Особенность убранства Петровского дома заключалась в том, что мебель была, кажется, вся домашней работы, чуть ли не плотничной. Стулья и кресла громадных размеров, тяжести непомерной, а сиденья были обиты ситцем по дереву. Затем в каждой комнате были часы и не одни, а случилось двое и трое, так как дядя был большой до них охотник. Присутствие часов

и жёсткой мебели мы особенно ощущали с приездом хозяев, так как часы все были заведены и пущены в ход, а на стульях и креслах пришлось сидеть, а не только глядеть на них. Однажды я решила одну из этих уродин придвинуть к столу, потянув за ручку. Дядя посмотрел на меня, потом, встав с места, подошёл и, отодвинув назад кресло, сказал мне довольно ласково: «Когда ты захочешь переставлять стулья, то бери вот так» – и он приподнял кресло с полным почтением за обе ручки. «А то можно сломать», – добавил он в пояснение. Над этими последними словами брат мой много смеялся и уверял, что меня можно было показывать за деньги, если бы я сломала такое чудиче.

Сам дядя был такой же прямой, сухой и тяжеловесный, как его домашняя обстановка. Тётка была толстенная, суетливая, смышлённая особа, разговорчивая и весёлая, хотя я думаю, подчас она себя заставляла быть такою. Она измельчала в будничной жизни.

Забота об украденной курице или выдерганной репе поглощали её всецело и положительно их жизнь в деревне сводилась к тому, что старики караулили свой дом. Дядя был уже довольно стар и иногда хворал, а ближайший доктор, в зимнее время, был за 120 вёрст.

«Что вас заставляет жить тут зиму в одиночестве и глуши?» – спрашивал иногда батя.

«Как же отъедешь. Ведь дом весь растащат», – был ответ одиноких старичков.

«Так что же, дом для вас или вы для него?» – подсмеивался отец.

В их коротких ответах мелькал иногда смысл, что надо для сына беречь...

Правду сказать, о Петровке у меня осталось воспоминание чего-то стеснительного... Весь этот порядок и в доме, и во времени, это однообразие, которого нельзя было изменить и нарушить, меня мучило и то-

Сестра Юлия.
Рисунок Л. В. Далия

Л. В. Далия.
Автопортрет

мило, и я не знала, как бы отделаться и убежать поскорее в Тёпловку к бабушке, Наташе, тёте Любе и к тому дяде, которому я всегда доставляла большое удовольствие своим присутствием...»

Однако скоро живая и любознательная девочка и в скучной Петровке нашла себе развлечение, которое сдружило её со строгим дядей Кистером.

«Пропадая с тоски в Петровке, я как-то надумала попросить у дяди давать мне уроки датского языка. Сам он был датчанин и хотя и давно покинул Данию, но любил её и сохранил связь со своим отечеством. Так, между прочим, у него было сочинение Андерсена, им самим подаренное дяде. Я находила, что недурно и мне знать мой родной язык. Ведь мой дедушка был тоже датчанин. Дядя охотно согласился на мою выдумку, но учебников у него не было и он потревожил со своих старых полок книжечку Андерсена... Датское чтение не шутя тешило дядю, и я вскоре стала у него в большой милости...»

Потом приехал в отпуск двоюродный брат Федраша, подарил Юле седло для верховой езды, и начались прогулки верхом. Развлекали девочек и знакомства со старинными приятелями отца, среди которых Ольга упоминает соседей по имению – Звенигородских.

«Старик Звенигородский был очень крутого нрава и жену подобрал себе тоже свирепую. Несмотря на это, их дом был всегда полон гостей, которых они очень ласково принимали. Отцу нередко приходилось бывать свидетелем резких вспышек и, пожалуй, даже принимать участие в улаживании и примирении. Обозвать дочь «чертовкою» им ничего не стоило даже при посторонних. При нас однажды мать бранила свою замужнюю дочь за то, что она съела перед обедом персик. Мы поспешили пройти в столовую и за нами раздалась громкая пощечина...

Страннее всего было то, что старики, живя в постоянных ссорах и брани, очень любили друг друга и скучали в разлуке. Однажды зашёл разговор о разводе вообще и все стороны стояли за русский брак, не допускающий развода. Вероятно, покажется странным, если я к этому добавлю, что Звенигородский был женат уже во второй раз и причём на сестре своей первой жены, которая была чуть ли не хуже этой. Про ту отец рассказывал, как она с мужем и ребёнком, переезжая однажды реку, до того разбесилась на мужа, что, схватив своего птенца, занесла его через край парома над водою. «Замолчишь ли ты или сейчас брошу в воду», – крикнула она, сверкнув глазами. «И видя её, можно было поверить, что эта бешеная исполнит угрозу», – прибавил отец.

У них была ещё одна сестра, говорят, красавица писаная; та вовсе отбилась от рук, не позволяя никому перечить себе. При первой же ссоре она брала любую лошадь из отцовского табуна и на неосёдланной, с нагайкою в руках, мчалась в степи, где скиталась по кочёвкам несколько дней, и затем с грозным лицом возвращалась в дом.

Далее следует описание приезда ещё одной младшей сестры Екатерины Львовны, «красавицы тёти Нади»:

«В это время она была далеко не хороша и своим цыганским растрёпанным видом не понравилась никому из нас. Лев и Юля держались особенно далеко от неё и все перестали ходить к Соболевым... Я стала расспрашивать танточку и своего двоюродного брата и выведала, что она немало кутила на своём веку; часто бывала в бегах от мужа и, овдовев, поселилась тогда в Уфе, где её все знают. А как она теперь живёт... об этом никто не знает. И танта добавила: «Слава идёт не одним днём».

В главе XV своих воспоминаний, озаглавленной «Конец Оренбурга», рассказчица подводит итог впечатлениям о поездке, запомнившейся ей на всю жизнь:

«Кроме новых людей, какую новую и чудную природу мы увидели! Живя постоянно в городе, хотя и в приволжском, мы понятия не имели о степном приволье. Впервые увидели мы и горы, да ещё перерезанные

облаками. Вдохнули мы запах лугов, с их сочной густою травой, которая путается в колёсах, когда по ним едешь. Нас поразили чистые, прозрачные, неглубокие и быстрые каменистые речки, наполненные форелью. Хотелось рукою схватить её – так близко она казалась. Сунешь руку по плечо в холодную воду, и то не достанешь до этих красивых галечек, которые, кажется, двумя пальцами бы выгасил. Быстрые и извилистые речки эти перерезают луга

и леса, вилля взад и вперёд, не перегораживая никому дороги. Их переезжают без мостов и переходят вброд...

Воздух был так же обманчив и прозрачен, как вода. А запах! Этот чудный запах сочных трав, который так тоскливо вспоминался впоследствии. Тогда и я поняла мать и, пожалуй, была готова не только выскочить из тарантаса, но идти пешком много вёрст, чтобы вдохнуть опять тем же, чтобы вернуть утерянное*.

Литература и источники

¹Матвеевская Г. П., Зубова И. К. Владимир Иванович Даль. М.: Наука, 2002

²Зубова И. К. «Дом хорош, и мы очень довольны покупкой...» // Третьи международные Измайловские чтения. Материалы, ч. 1. Оренбург, 2003. С. 308-312

³Дорофеев В. В. Оренбург шевченковский. Оренбург, 1993. С. 18

4ГАО: ф. 38, оп. 1, № 161

⁵Даль О. В. Моя жизнь. Воспоминания // ЦГАЛИ: ф. 179 (В. И. Даль), оп. 1, № 37

⁶Даль Е. В. В. И. Даль (По воспоминаниям его дочери) // Рус. вестник 1879, № 7. С. 71-112

⁷Даль Е. В. Воспоминания (неопубликованные главы) // ИРЛИ (Пушкинский Дом): ф. 262, оп. 2, ед. хр. 834

⁸Даль Е. В. Оренбург: В. И. Даль и Оренбургский край // Альманах «Гостинный двор». Калуга, 1995. № 1. С. 140-149

⁹Даль Е. В. Хивинский поход // Альманах «Гостинный двор». Калуга, 1995. № 2. С. 168-173

Елена Адриановна Аксёнова родилась в Нижегородской области, выросла в Оренбурге. Окончила механико-математический факультет Казанского университета. Преподаёт математику в Оренбургском государственном университете. Область научных интересов – теоретическая кибернетика, история и основания математики

Принятые сокращения

А. Пушкин. История Пугачёва. ПСС, т. VI. М., 1954 – ИП

А. Пушкин. Капитанская дочка. ПСС, т. IV. М., 1949 – КД

М. Цветаева. Мой Пушкин (очерк «Пушкин и Пугачёв»). Челябинск, 1978 – ПП

В. Савельзон. Пушкин и Оренбург. Оренбург, 1998 – ПО

Елена АКСЁНОВА

ПО ПОВОДУ ИЮЛЬСКОГО БУРАНА В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ» А. С. ПУШКИНА

*Несколько замечаний
на полях книги В. Л. Савельзона**

Теперь я бы сказал так: всё окружавшее меня тогда – безмятежная ночь, брезжущая ограда, деревенский запах жимолости, голая земля – было не просто похоже на этот закоулок тридцать лет назад, – нет, оно, без всяких сходств и совпадений, попросту было тем же самым. Стоит однажды почувствовать это единство, и время – всего лишь сон: ведь если хотя бы один вчерашний и один сегодняшний миг неразличимы, то единого и необратимого времени больше нет.

Х. Л. Борхес

...Так что есть загадки мнимые – и те, которые требуют серьёзного анализа и дальнейших поисков.

В. Л. Савельзон

5

Читатель, надеюсь, давно сделал вывод: не было у Пушкина ни случайного, ни, тем более, «преднамеренного» летнего бурана. А в сухом остатке – всего лишь два лежащих на поверхности факта, которые почему-то выпали из поля зрения и М. И. Цветаевой, и В. Л. Савельзона.

Но это ещё не конец. Теперь займёмся некоторыми доводками. Дело в том, что внимательный читатель «Капитанской дочки» не может не споткнуться об одну действительную странность: центр тяжести временного каркаса повести, логический центр всех наших суждений – да, именно октябрьская дата – всплывает ещё раз в XIV главе, причём второе упоминание откровенно противоречит первому!

Давайте сравним.

*Окончание. Начало см. ГД № 16, 2005

Глава VI. Каким-то из тоскливых вечеров в начале октября 1773 года Гринёв вызван на совет к коменданту Белогорской...

Глава XIV. Прошёл год, утекло много воды. Осенью 1774 года Гринёв, закованный в кандалы, ожидает суда в Казанской тюрьме: по навету Швабринна он обвинён в государственной измене – в связях с бунтовщиками. На запрос Следственной комиссии отвечает оренбургский губернатор генерал Р.: «...онный прапорщик Гринёв находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 г. до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился, и с той поры уже в команду мою не являлся» (КД, с. 352).

Как мы помним, В. Савельзон называет точку отсчёта «первой реальной датой» и «точной временной вехой». Приходится поставить вопросы: так ли она точна? И как понимать её реальность?

Дата в художественном произведении может быть реальной, во-первых, в прямом смысле (момент чьей-то жизни, исторического события и т. п.). Во-вторых, она может быть вымышленной, «литературной», но подчинённой логике действия, то есть сюжетно-реальной.

Легко показать, что наша ключевая дата не является реальной ни так, ни сяк: в обоих смыслах она противоречива, а значит, невозможна.

Прежде всего уясним: какое из двух упоминаний выглядит более надёжным? Конечно, второе. Запрос вызван исключительно важными причинами, а содержание ответа может определить судьбу человека: казнь, ссылку или свободу. Генерал Р. –

должностное лицо и, кстати, немец – воплощение легендарной немецкой педантичности: мог ли он не свериться с записью о прибытии прапорщика на службу и ответить по-бытовому приблизительно? Разумеется, нет. Таким образом, письмо в Следственную комиссию – официальный документ, и даже лёгкая стилевая особенность в указании даты позволяет считать старинный канцелярит «от начала октября» синонимом точной даты «с первого октября».

Итак, примем посылку: с первого октября 1773 года Пётр Гринёв служил в Оренбурге. Но временно закроем на неё глаза, вернёмся к точке отсчёта и установим момент прибытия Гринёва в Оренбург непосредственно по действию. Для этого нужно пройти от начала шестой главы до середины десятой. На протяжении четырёх с половиной глав нет ни одной даты, кроме отправного «начала октября...», но порядок событий и их содержание позволяют сделать требуемую прикидку. Возьмём за основу расчёт, выполненный В. Савельзоном: «Примем, что тот вечер «в начале октября» – это 1 число... Следующий день, 2 октября. В крепости начинаются приготовления к отпору восставшим, посылают в дальнюю разведку урядника. Он «возвратился через два дня», 4 октября. На следующий день, 5-го, пугачёвцы захватывают Белогорскую. 6-го к вечеру Гринёв с Савельlichem на подаренной Пугачёвым лошади уезжает в Оренбург. Следовательно, 7 октября он прибывает в губернскую столицу... и принимает участие в военном совете...»

Эта дата прекрасно согласуется с «Летописью» П. И. Рычкова. И по ней тоже совет состоялся точно 7 октября. Так и кажется, что Пушкин с пером в руке рассчитал этот временной отрезок со скрупулёзностью историка» (ПО, с. 211).

Болдинское имение
А. С. Пушкина, где он работал
и над «Историей Пугачёва»,
и над повестью «Капитанская
дочка». 2004 г.
Фото И. Аксёнова

Приведённый расклад требует уточнений. «В начале октября» (или «в первых числах октября») – категория из того же ряда, что и «несколько дней», «незадолго до полудня», «поздно вечером» и т. п. При необходимости использовать подобные «плавающие» характеристики мы, конечно, вправе конкретизировать их значения. И в данном случае ничто не мешает отождествить начало октября с 1 октября, но, приняв это допущение, следует оговориться, что результат будет также *нижней границей* искомого срока и ошибка может составить три-четыре дня.

Далее выберем из текста все точные ориентиры. После секретного совещания у капитана Миронова *назавтра* Василиса Егоровна по пути с обеди «раскальвает» кривого поручика Ивана Игнатьевича и узнаёт о Пугачёве. *Два дня* уходят на разведку урядника. Затем *утром некоторого дня* взята Нижнеозёрная (весть комендантши со слов о Герасима), а *следующим утром* захвачена и Белогорская. *Проходит жуткий день*, перенасыщенный событиями: казни, присяги самозванцу, грабежи и пьяные оргии мятежников, многозначительные встречи Петруши с Пугачёвым и т. д. *В конце этого дня* Гринёв засыпает на голом полу. *Рано утром* его поднимает барабан: пугачёвские толпы строятся в поход. Гринёв получает напутствие Пугачёва: «Ступай сей же час в Оренбург и объяви... чтоб ожидали меня к себе *через неделю*». Подарок ненавистного «злодея» Савельич в сердцах обругал «башкирской долговязой клячей», но несколько позже, во время осады Оренбурга, сам Гринёв отдаёт ей должное: «По милости Пугачёва, я имел добрую лошадь, ...на которой ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачёвскими наездниками».

Вот на этой-то доброй лошади Гринёву с дядькой ничего не стоило преодолеть 57¹ вёрст и прибыть в Оренбург, думаю, *до полудня*. *В тот же день* он участвует в совете у губернатора, а «*через несколько дней* после сего знаменитого совета узнали мы, что Пугачёв, *верный своему обещанию*, приблизился к Оренбургу», – укажет Гринёв в своих «Записках».

Вытекающие из текста поправки очевидны: 5-го взята Нижнеозёрная, 6-го – Белогорская, а 7-го утром Гринёв уезжает в Оренбург. Но под вопросом остаётся длительность промежутка между первым днём (каким бы числом его ни считать) и днём сдачи Нижнеозёрной. Указанные выше *три надёжных дня* разбавлены неопределённым временем других событий: «Вскоре все заговорили о Пугачёве... Комендант послал урядника... В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение... Подосланы были к ним лазутчики. Юлай... сделал коменданту важное донесение... комендант немедленно посадил урядника под караул... думал в тот же день допросить своего арестанта; но урядник бежал... Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами... комендант думал снова собрать своих офицеров... Мы собрались опять» (КД, с. 298-299).

По поводу «Вскоре все заговорили...» В. Савельзон утверждает: заговорили в тот же день (2-го), после того как Василиса Егоровна открыла военный секрет попадье, которую Пушкин двумя главами раньше представил «первою вестовщицею». Можно возразить: среднестатистический читатель в течение двух глав не будет держать в оперативной памяти брошенную мимоходом деталь, и Пушкин, если бы он хотел кинуть камешек в огород Акулины Памфиловны, попросту написал бы: «И в тот же день все заговорили о Пугачёве». А тут всё-таки другой оттенок: волны информации «вскоре» (читай – «постепенно») разошлись из разных источников – не только от попадьи. В любом случае мы имеем минимум семидневный интервал, который может и растянуться, пусть дня на два, из-за расплывчатости первой его части, и сдвинуться вперёд, хотя бы дня на три, из-за ошибки допущения. Таким образом, *момент появления Гринёва в Оренбурге колеблется в промежутке от 7-го до, примерно, числа 12-го октября*.

Теперь возьмём ИП и посмотрим, как литературная реальность КД соотносится с исторической хроникой. Крестьянская война стартовала 18² сентября 1773 года,

когда Пугачёв с Будоринского³ форпоста двинулся на Яицкий городок. В конце второй главы Пушкин резюмирует: «...прошло две недели со дня, как явился он под Яицким городком с горстью бунтовщиков, и уж он имел до трёх тысяч пехоты и конницы и более двадцати пушек. *Семь крепостей были им взяты или сдались ему.* Войско его с часу на час умножалось неимоверно. Он решил пользоваться счастьем и 3 октября, ночью, под Сакмарским городком перешёл реку через мост... и потянулся к Оренбургу» (ИП, с. 203).

Среди упомянутых семи крепостей была и Нижнеозёрная: она пала 26 сентября.

Переведём дух и сопоставим факты. Первого октября 1773 года Гринёв предаётся меланхолической рефлексии в Белогорской и в то же самое время служит в оренбургском гарнизоне, хотя должен в него приехать не ранее 7 октября. Нижнеозёрная сдалась Пугачёву 26 сентября, а в повести это произойдёт ещё дней через десять одновременно с началом осады Оренбурга. Третьего октября Пугачёв перешёл Сакмару, но в сюжете это случится через несколько дней после 7-го октября. И так далее.

Словом, на временном пяточке двухнедельной протяжённости Пушкин устроил такое столпотворение взаимоисключающих событий, что комплимент «скрупулёзности историка» звучит анекдотически.

6

В чём же дело? Дат в повести – наперечёт, все они на виду, и налицо противоречие, которое не может быть результатом невнимания или простой небрежностью: несомненно, это элемент действия, то есть – лучше не скажешь – «преднамеренная ошибка!» Вот здесь резонно спросить: «А зачем Пушкин ошибся? Не почему, а – зачем?»

Судя по всему, В. Л. Савельзона парадоксы КД не обескураживают, и он объясняет их, используя методологию, уже знакомую нам по приписанной Пушкину мистификации с бураном:

а) писатель «имеет право на художественный вымысел» и «домысел» (?);

б) Пушкин в КД иногда точен, а иногда «безразличен к исторической точности» и «абсолютно равнодушен к правдоподобности хронологии событий»;

в) историческая правда и сюжетная достоверность приносятся в жертву ради решения художественных задач;

г) любые отклонения литературных персонажей и обстоятельств от их очевидных прототипов – это «ошибки» и «вынужденные подмены» и т. д.

Вот образец толкования даты в письме генерала Р. Она «вынужденно расплывчата» по двум причинам. Во-первых, письмо «повторяет ту первую дату в главе VI... (с поправкой на неделю от получения в Белогорской известия о Пугачёве до прибытия Гринёва в Оренбург)».

Во-вторых, «писатель не хочет вдаваться в подробности, как Гринёву удалось пробраться в город», так как он «помнит», что в ИП указал: «5 октября Пугачёв... расположился в 5 верстах от Оренбурга». Пушкин «не стал объявлять» дату, ибо «ведь это мы, а не автор, высчитали точно» (? – Е. А.), что Гринёв появился в городе 7 октября. Поскольку «дата начала осады... Оренбурга принадлежит уже истории» в отличие от «даты падения рядовой крепости, тем более вымышленной», то «Пушкин нашёл способ примирить события повести и исторические реалии» (ПО, с. 235).

Читатель недоумевает: в чём же заключается это «примирение»? В том, что Пушкин, не сумев свести концы с концами, не назвал проблемные даты, то есть «ушёл в кусты»? Но полноценное примирение должно разом снять все только что описанные противоречия, а так они только задвигаются с глаз долой от читателя. При этом генералу, аккуратнейшему чиновнику, навязана «расплывчатость» в служебной бумаге: пусть Следственная комиссия сама сделает «поправку на неделю» и определит нужную ей дату!

Согласитесь, такой способ преодоления сюжетных осложнений был бы для Пушкина слишком топорной работой. В то же время он ведь сам их и создал, «рассчитав со скрупулёзностью историка» тот сдвиг на неделю. Спрашивается – зачем? Что-

бы Гринёв успел к совету 7 октября, а всё остальное пошло кувырком?

Пытаясь разобраться в аргументации исследователя и, главное, в том, что всё-таки задумал Пушкин, мы приходим и к такому вопросу: а кто, собственно, допускает (или, напротив, не допускает) эту «вынужденную расплывчатость»? Генерал Р.? Но он, так сказать, находится в руках Гринёва. А Гринёв вместе с генералом Р. – в руках Пушкина. Таким образом, мы вновь возвращаемся к теме жанровой специфики КД.

Повесть – это «семейственные записки». Их цель – запечатлеть для потомков семейную легенду: рассказ о том, как одному из Гринёвых выпал уникальный случай попасть в историческую воронку и выбраться из неё невредимым. Гринев подчёркивает, что он не намерен подробно описывать события, «принадлежащие истории», и это надо понимать как предупреждение самого Пушкина: КД – *не исторический роман*, а жизнеописание частного лица на фоне социального катаклизма.

Известно, что Пушкин хотел писать исторический роман о пугачёвщине, но увлечшись материалом, переключился на ИП, а потом вернулся к идее художественного произведения, но уже с иными творческими задачами. Во время работы над КД «История Пугачёва», конечно, была его настольной книгой. Выстраивая сюжет, он держал её перед глазами и вёл отбор и отсеив исторических реалий. Из нужных для КД фактов ИП он вычистил все даты, кроме того голодного минимума, который вошёл в состав «несущей конструкции» повести. Иначе говоря, историческая реальность трансформировалась в реальность литературную, поэтому говорить об «ошибках» в описании тех или иных персонажей или о моментах «безразличия к истории» некорректно: устремившись в «даль свободного романа», Пушкин перешёл на правила игры, свойственные именно этой предметной среде. И нужно чётко представлять себе: здесь нет и быть не может конкретной крепости, исторического Рейнсдорпа и реального совета 7 октября, а есть некоторые результаты типизации и обобщения.

Написав ИП, Пушкин невольно сыграл злую шутку с будущими исследователями КД. Наличие связки «ИП–КД» – редчайший случай, когда литературовед получает из рук самого писателя конкретный материал для ориентации в джунглях творческого процесса. Но в то же время дармовая роскошь прямых сопоставлений и прозрачных параллелей между литературными образами и их историческими прототипами может и расслабить, ввести в заблуждение, в соблазн однозначных соответствий дат, событий, персоналий.

7

К сожалению, в книге «Пушкин и Оренбуржье...» некоторые важные выводы основаны на таких лобовых идентификациях. Читатель должен был заметить, что в сюжетных перипетиях особую роль играет совет у генерала Р., на котором присутствовал Пётр Гринёв в день прибытия в Оренбург. Этим днём, по приблизительным подсчётам, *могло оказаться* 7 октября. Реальный совет от 7 октября упомянут в «Летописи» П. И. Рычкова. И В. Савельзон считает возможным отождествить исторический и вымышленный советы: «обратимся к той странице КД, где описан военный совет... 7 октября» (ПО, с. 229).

Или: «Военный совет 7 октября 1773 г., о котором идёт речь (в КД – Е. А.), удостоверен и подробно описан оренбургским летописцем П. И. Рычковым» (ПО, с. 231).

Далее высказывается удивление по поводу состава «литературного» совета: «непонятно, почему... на этом совете «кроме самого генерала, не было ни одного военного человека». Ведь у Рычкова Пушкин прочёл, что были и обер-комендант генерал-майор К. И. Валленштерн, атаман Оренбургского казачьего войска подп. В. И. Могутов, батальонные командиры майоры Ф. Даллеровский, В. Молостов, И. Скирмонтов».

«Никак не придумашь, к чему пушкинская деталь, что на военном совете одни штатские. Вот в ИП сказано достоверно: Рейнсдорп собрал особый совет из военных и гражданских своих чиновников» (ПО, с. 229).

Прежде чем открыть «Летопись», обратим внимание на одну мелкую деталь в послед-

ней цитате: если есть «опять», то должно было быть что-то «раньше». Это «что-то» — ещё один совет от 28 сентября.

Пугачёв играючи прошёл от Илецкого городка до Татишевой, и, когда 28 сентября «триста человек татар, насили собранные и отправленные к Татишевой, возвратились с дороги с известием об участии Билова и Елагина, Рейнсдорп, испуганный быстротой пожара, собрал совет из главных оренбургских чиновников» (ИП, с. 201).

«Летопись», состоящая из 97 пунктов и трёх небольших «Прибавлений», имеет такую особенность: сплошь и рядом после описания тех или иных событий Рычков возвращается к ним повторно. При этом он, как правило, указывает, что выше использовал материалы губернаторской канцелярии, а теперь привлекает сведения из других источников. Именно так, дважды, упомянут и *первый совет* по пугачёвской проблеме. Из ИП видно, что Пушкин, изучая «Летопись», всюду объединяет разведённую по разным пунктам информацию, относящуюся к одним и тем же событиям.

Совету от 28 сентября Рычков посвящает п.п. 20¹ и 25. В первом даётся решение, состоящее из пяти пунктов, полностью воспроизведённых Пушкиным в ИП (только в другом порядке). Во втором кратко указано направление совета: «был консилиум в доме генерал-майора и обер-коменданта Валленштерна; и о том одном, каким образом внутрь города при случае злодейского нападения и во время пожарного случая осторожность и отпор чинить»⁵.

Самая подробная информация об этом совете содержится в пушкинских помесечных выписках из архивных дел:

«28 сентября 1773 г. г. Рейнсдорп доносит, что Пугачёв умножа свою шайку яицкими и илецкими казаками — пришёл 1) в Рассыпную, 2) в Нижнеозёрную, 3) устремился на Татишеву, где находился отправленный от г. Рейнсдорпа бригадир Билов с корпусом, и тамо половину крепости съёл, разбил корпус и идёт к Оренбургу.

В следствии сего был *общий совет*, где и положено:

1) У конфедератов (?) кроме иноземцев отобрать оружие и отправить их в Троиц-

кую крепость под строгим смотрением.

2) Все мосты через Сакмару разломать и пустить вниз по реке.

3) Сеитовских татар взять в город для защиты (?).

4) Артиллерию поручить д. ст. сов., Старову-Милюкову.

5) Разночинцам, имеющим оружие, назначить места, а не имеющим определить к тушению пожара, для сего иметь им воду и быть в команде у г. Обухова (директора) и вооружённым у г. обер-коменданта.

6) Отлучившихся от назначенного места расстрелять в пример прочим.

7) Слабые и неукреплённые, способные к перелазу, места осмотреть г-ну Старову-Милюкову.

8) Сеитовских татар поручить г-ну Тимашеву (колл. сов.).

Подписали: ...Рейнсдорп, ...Валленштерн, ...Старов-Милюков, кол. с. Ив. Мясоедов, подп. и лёгких войск войсковой атаман Вас. Могутов. Надв. сов. и Оренбургской пограничной таможи директор Пётр Обухов»⁶.

Замечу, что п.п. 6 и 7 отсутствуют как в «Летописи», так и в тексте ИП; п.п. 3 и 8 Пушкин, конечно, объединил.

Стоит отметить ещё одну выписку Пушкина — из Журнала Рейнсдорпа. В ней идёт речь о том, что 3-го октября 1773 года из Яицкого городка в Оренбург пришла подмога — 624 человека:

«...Сию команду расположили по валу с прочими. *За неимением военных чинов, над ними учреждены командиры штатские*. Названы шесть таких командиров, среди которых четверо — участники первого совета, а добавлены — прокурор Ушаков и член Оренб. гл. соляного правления Карпов»⁷.

Что касается совета от 7 октября, то ему Рычков уделил *всего двенадцать строк* в п. 33⁸. Здесь сформулирована тема обсуждения: тактика борьбы с Пугачёвым (оборонительная или наступательная) — и кратко охарактеризованы мнения собравшихся.

Этот фрагмент «Летописи» почти дословно воспроизведён в ИП (с. 205) и с блестящим сарказмом обыгран в КД (с. 232–234).

Состав совета в «Летописи» не указан. Вероятно, сведения о «подробном описании», о «трёх батальонных командирах» и т. д. были взяты В. Савельзоном из какого-то ненадёжного вторичного источника. (А может быть, и надёжного, и первичного, но это не «Летопись».) Однако пятерых лиц, о которых Пушкин «прочёл у Рычкова», находим в полном составе среди тех, кто подписался (в качестве свидетельства об ознакомлении) под Указом Екатерины II от 2 октября 1773 года.

Этот интересный документ из подготовительных материалов к ИП хочется привести полностью.

«Указ её имп. вел. самодержицы Всероссийской находящимся при Самозванце ящким и илецким казакам.

К крайнему всякого прискорбию оказались вы в таком состоянии, что забыв страх божий и учинённую в верности её им-у в-у присягу, поверя лестному и совсем на лжи основанному представлению самозванца, отважились на такое злое и богомерзкое дело, о коем всяк разум имеющий без внутреннего содрогания пребыть не может, что вы пристав к нему как ослеплённые погружаете себя у бога и целого света во глубину погибели. А как вы очень важное преступление уже учинили, то вот вам ко утолению высочайшего её имп. в-ва гнева средство: реченного самозванца постараться поймать и представить, через что можете удостоить себя в том вашем злодеянии здешнего у её и-го в-ва представительства, которое конечно учинить не оставлено будет. А ежели сердце ваше так ожесточилось, что сие увещание не проникнет, то остаётся непременно погубить вам как в сем веке, так и в будущем. При чём даётся вам знать, что упомянутый самозванец беглой из Казани донской казак именем Емельян Пугачёв, который пред сим, в равномерном злодеянии в Астраханской губернии пойман и жестоко наказан был, следовательно такому человеку, который честного общества извержен, мерзить и удаляться должно.

Подп. подп.

Ив. Рейнсдорп

К. Валленштерн

Вас. Старово-Милюков
Пётр Рычков
Ив. Мясоедов
Ив. Тимашев
Подп-ки Вас. Магутов
Михайло Ушаков
Арт. май. Ив. Норов
Бат. ком. прим-май. *Франц Даллеровский*
Бат. ком. Фёд. Шкапский
Май. Вас. Молоствов (NB: он не бат. ком.!)
Бат. ком. сек-май. *Ив. Скирмантов*»⁹

Главный для нас вывод, следующий из исторических документов, состоит в том, что совет в КД неправомерно безоговорочно привязывать к 7 октября, так как это обобщённый литературный образ, в котором *совместились черты двух реальных советов* и детали сопутствующих исторических событий. При этом датой проведения «гибридного» совета — скрытой, но, скорее всего, подразумеваемой Пушкиным — естественно считать 28 сентября.

8

«Обобщённым» военным советом руководит, конечно же, и «обобщённый» генерал Р. В. Савельзон считает, что лишь «ради сильного художественного хода» Пушкин пошёл на такую «рискованный шаг, как замена реального генерал-поручика Ивана Андреевича Рейнсдорпа, имя которого... было ещё у всех в памяти, на генерала Андрея Карловича Р.» (ПЮ, с. 225).

В этом-то риска не было. Достаточно сравнить литературный персонаж с Рейнсдорпом в ИП, чтобы сказать: это разные люди. Если угодно, в недооценке серьёзности грянувших событий генерал Р. ассоциируется с Каром. Сравним.

В ИП: «Кар не сомневался в успехе. «Опасаясь только, — писал он графу З. Г. Чернышову, — чтобы сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег... по тем местам, отколь они появились». Он предвидел затруднения только в преследовании Пугачёва по причине зимы и недостатка в коннице» (с. 209).

В КД генерал Р. тоже не принимает всерьёз «бездельника Пугачёва». Пугачёв берёт станицу за станицей, а он с лицом, изображающим «спокойствие, здоровье и добро-

души», со вкусом готовит яблоки к зиме.

Во время совета в ответ на предложение одного из чиновников действовать «подкупательно» иронизирует почти легкомысленно: «Э-хе-хе! мнение ваше благородно. Движения подкупательные тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашим совестом. Можно будет обещать за голову бездельника ...рублей семьдесят или даже сто... из секретной суммы...» (с. 323).

Не исключено, что главными составляющими этого собирательного образа послужили Рейнсдорп и Кар. (Можно даже слегка пофантазировать по поводу имени. Итак, генерал Р. Андрей Карлович. Р. – конечно, от Рейнсдорпа, а Карлович – может быть, от Кара?) В ИП многочисленные упоминания именно этих двух персон сопровождаются отчётливым и последовательным оценочным негативом. К ИП Пушкин добавил двадцать специальных «Замечаний о бунте», где указывает дополнительные детали к характеристике некоторых лиц. Он и здесь прошёлся по Рейнсдорпу и Кару. В одном из замечаний «удивительный образец народного красноречия» в обращении Пугачёва противопоставлен «публикации» Рейнсдорпа, которые «писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками с глаголами на конце периода» (с. 306). В другом Пушкин «добывает» Кара: «Кар перед сим был (в Польше. – Е. А.) употреблён в делах, требовавших твёрдости и даже жестокости (что ещё не предполагает храбрости, и Кар это доказал). Разбитый двумя каторжниками, он бежал (с поля боя и со службы. – Е. А.) под предлогом лихорадки, лома в костях, фистулы и горячки» (ИП, с. 307).

В особом 20-м замечании (без номера, под заголовком «Общие замечания») Пушкин крупными, энергичными штрихами набрасывает расстановку социальных сил во время Крестьянской войны, затрагивая и роль военачальников: «Все немцы (выделено А. С. Пушкиным. – Е. А.), найдящиеся в средних чинах, сделали честно своё дело: Михельсон, Мувфель, Меллин, Диц, Деморан, Дуве etc. Но все те, которые были в бригадирских и генеральских, действовали слабо, робко, без усердия: Рейнсдорп,

Брант, Кар, Валленштерн, Билев, Декалонг etc. etc.» (с. 310).

Если и был у Пушкина риск в связи с образом генерала Р., то как раз в степени и характере обобщения. Здесь просматриваются два возможных уровня таких обобщений: генерал Р. – собирательный тип немецких военачальников, участвовавших в подавлении бунта, и – собирательный образ немцев из среды «истеблишмента» (Бенкендорф, Нессельроде и т. д.). Возможно, что начальным замыслом был только первый уровень, но в процессе работы Пушкин, растравленный воспоминаниями о собственных унижениях (см. хотя бы деловую переписку с Бенкендорфом), мог перейти и на второй. Нам не дано охватить все источники, питающие воображение писателя, и некоторые догадки могут казаться фантастическими. Но как знать, не был ли, например, эпизод с отказом генерала Р. помочь Петруше в освобождении Маши Мироновой дальним отголоском того укола, который испытал сам Пушкин, получив отказ на просьбу отъехать из кишинёвской ссылки в Петербург повидаться с родными? А отказ этот получен в письме Нессельроде от 13 января 1823 года.

9

Вообще, в КД очевиден глубокий личный пласт: тема ссылки, тема власти, тема родителей, тема Пугачёва и т. д. «Прикрываясь» Гринёвым, Пушкин виртуозно лавирует от себя к Гринёву и от Гринёва к себе, умудряясь сказать очень много. Сентенция о «кротком царствовании Александра I» – это не Пушкин, а повзрослевший законопослушный Гринёв. Это для отвода глаз, ибо Александр I Пушкина – в ядовитых стихах: «Ура! В Россию скачет колючий деспот...»; «Воспитанный под барабаном...» С другой стороны: «Емеля, Емеля! ...зачем не наткнулся ты на штык, или не подвернулся под картечь?» Так впору обращаться к заблудшему родственнику, а не придерёшься, поскольку все вспышки симпатии к преступнику можно списать на желторотость юнца. «Любовь Пушкина к Пугачёву» по Цветаевой – всё-таки не совсем то (или даже совсем не то), что было на

самом деле: любить Пугачёва значило бы «любить» кровавый тайфун Крестьянской войны, затеянной Пугачёвым с «его сволочьё». Скорее, здесь глубинное понимание мотивов, в которых Пушкин и Пугачёв соприкоснулись сердцами. Это та глубина, где сходят на нет наносы цивилизации, где любые социальные антиподы одинаково скрежещут зубами от уколков несправедливости и одинаково тают от благодарности за братски поделённый кусок хлеба...

Читатель спросит: не уклонились ли мы в сторону от разбора противоречивых дат? Отчасти так оно и есть, но, коснувшись темы личного, пушкинского, в КД, хочу подчеркнуть, насколько права Цветаева, считая КД романтическим произведением. Только романтизм этот особый, он лишён надрыда, он – как романтизм – словно бы и невзрачен, так как укрощён классикой. Классика воплотилась в Пушкине внутренними регуляторами, берущими начало в античном учении о мере, которое не позволяет оскорблять восприятие истерикой при изображении даже самых сильных страстей. Но сами-то страсти остаются и определяют как внутреннее состояние, так и внешнее поведение человека. В одном из звеньев предлагаемой ниже интерпретации существенную роль будет играть фактор острого эмоционального переживания, завладевшего Петром Гринёвым, вспоминающим свою молодость. А поскольку своеобразие повести состоит в двойном авторстве (Пушкин – Гринёв), то в воспоминаниях Гринёва не возвращался ли к Пушкину и его собственная жизнь с её обидами, драмами, разочарованиями? Отсюда – «удвоение» эмоций и дополнительная гарантия того, что мы на пути к объяснению, которое имеет достаточное основание.

Но прежде чем перейти к обсуждению невозможной даты, уточним её место во временном ряду повести.

10

Временная структура КД очень хорошо продумана и заслуживает обстоятельного анализа. Здесь будут затронуты лишь некоторые её особенности, связанные с нашим частным вопросом.

Анализируя загадку летнего бурана, мы упоминали о сквозной упорядоченности временного ряда КД. Действительно, Пушкин специально заботится об организации непрерывного действия. Текст по своей природе обречён на дискретность, но мастерство писателя – точное проектирование основы сюжета в соединении с «алхимией слова»¹⁰ – делает своё дело: автор внушает читателю ощущение непрерывности вымышленной жизни. Внешне простыми средствами Пушкин создаёт, можно сказать, кинематографический эффект сериала. А именно, четырнадцать глав повести содержат тринадцать тщательно обработанных стыков: в каждой паре соседних глав конец предыдущей подогнан по времени к началу следующей, и – читатель может сам убедиться в этом волшебстве – ни на одном из переходов между главами не возникает желания сделать хоть малую паузу, – внимание словно подстёгивается каким-то внутренним ускорением.

Последовательность этих меток времени встроена, далее, в систему трёх опорных точек. Безусловно, центральной является это наше «начало октября 1773 г.» Нижняя и верхняя границы основного действия также отнесены к определённым датам, но имеют уже более размытый характер: нижняя связана с Яицким бунтом 1772 года, а верхняя обозначена вымышленным «издателем» как «конец 1774 года» (момент реабилитации Гринёва).

Внутри указанных нечётких границ колеблются многочисленные «точки» бытового и психологического времени (выше мы попытались препарировать один из таких «сгустков времени»).

Если взять ещё одну «лупу», то под ней проступят три стилистически изоморфных фрагмента, которые играют несомненно особую структурообразующую роль.

А.

«Я жил недорослем, гоня голубей и играя в чехарду. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменилась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье... Батюшка у окна читал Придворный Календарь, ежегодно им получаемый...

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?» (КД, с. 262).

В.

«Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие... Неожиданные происшествия... дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение...»

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушаю вой осеннего ветра и смотря на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от имени коменданта... («Вдруг пришли» – незримо присутствует по смыслу. – Е. А.) (КД, с. 295-6).

С.

«Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться... она догадывалась об истине и почитала себя виновницей моего несчастья. Она скрывала от всех свои слёзы и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти.»

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевёртывая листы Придворного Календаря... Вдруг Марья Ивановна... объявила, что необходимость заставляет её ехать в Петербург...» (КД, с. 354).

Конструктивное сходство этих эпизодов не может быть случайным: оно отражает однотипность ситуаций и состояний героев и воссоздаёт нечто подобное известному синдрому *déjà vu*. Например, в среднем отрывке (В) мы как будто перехватываем внезапное ощущение Гринёва, который мысленно возвращается к своему исходу из родительского дома: вот и год прошёл, как один день, круг замкнулся, совместились два мига, – я здесь, сейчас, в глухом краю, и не понять, во сне или наяву вижу кипучие пенки медового варенья, над которыми колдуют руки матушки?

Говоря на математическом языке, экстраполяция назад от момента, указанного в среднем эпизоде, обнаруживает скрытое положение переломного дня в судьбе Гринёва: начало октября 1772 года! Этот срок вытекает из других ориентиров и одновременно служит как бы контрольной точкой, подтверждающей логику временного ряда.

Аналогичная экстраполяция вперёд позволяет установить и примерный срок отъезда Маши в Петербург для хлопот по делу жениха – тоже начало октября 1774 года.

Таким образом, структура повести в дополнении к другим вехам конкретизируется тремя узловыми точками (начало октября 1772, 1773, 1774 годов), из которых средняя задана явно и воспринимается как достоверная, а реконструированные крайние достаточно вероятны.

Приходит на ум и такая мысль: а может быть, трёхзвенная композиционная дуга (с тремя составляющими в каждом звене) – своеобразная дань времени, реликтовое влияние знаменитого литературного закона «трёх единств»? Только у Пушкина жёсткий формализм классической композиции произведения сменился отражением загадочной повторяемости явлений нашей жизни, в которую временами прорываются неведомые нам законы бытия?..

В связи с темой времени был соблазн рассмотреть заодно «график композиции» «Капитанской дочки», приведённый в книге «Пушкин и Оренбуржье...», но от этой затеи вовремя удержал, конечно, сам Пушкин. Имея в виду вынужденное затворничество в Михайловском и работу над «Борисом Годуновым», он с весёлой самоиронией написал:

*«Иль после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав неожиданно за полу,
Душу трагедией в узлу.»*

«Душить математикой» ни в чём не повинного читателя литературного альманаха было бы жестоко. Скажу только, что термин «график композиции» – такой же нонсенс, как «летний буран», но попытка модели интересна и заслуживает внимания. Возможно, при случае я вернусь к этому вопросу, подумав над формой изложения, приемлемой для гуманитарного читателя.

А сейчас обратимся, наконец, к анализу нашей «особой точки».

11

Для удобства читателя представим этот анализ в виде сводки основных тезисов.

1. Версия Савельзона

Единственный реальный совет был 7 октября 1773 года. Отсюда – следствие: и в КД единственный по сюжету совет должен быть отнесён к 7 октября, что, в свою очередь, и другие события автоматически привязывает к этой дате.

II. Уточнённая версия

В исторической реальности было два совета: 28 сентября и 7 октября 1773 года. Единственный совет в КД является вымышленным совмещением, собирательным образом двух реальных.

III. Проблема

В рамках обеих версий (I и II) центральный временной ориентир «однажды осенью (это было в начале октября 1773 года)...» является противоречивым, то есть невозможным и в историческом, и в литературном пространствах.

IV. Гипотеза 1 (интерпретация противоречия)

Во втором упоминании – «от начала октября прошлого 1773 года» – дата является достоверной, а первое упоминание – «однажды осенью (это было в октябре 1773 года)...» – *вмонтировано в сюжет как естественный сбой памяти Гринёва-рассказчика.*

V. Следствие из Гипотезы 1

Если принять за истину факт ошибки памяти и 28 сентября за скрытую дату сюжетно-реального совета, то сдвиг точки отсчёта примерно на десять дней назад (то есть, на 20–21 сентября) сразу устраняет все аномалии и на самом деле «примиряет» вымысел и реальность:

26 сентября – взятие реальной Нижнеозёрной;

27 сентября – падение собирательной Белогорской;

28 сентября – прибытие Гринёва в Оренбург и участие в совете;

регистрация выхода на службу в Оренбургском гарнизоне: «от начала октября...»

Своим чередом через несколько дней после «знаменитого совета» его участники узнают о приближении Пугачёва (о переходе мятежников через Сакмару 3 октября). Наконец, Пугачёв, «верный своему обещанию», подойдёт к Оренбургу

примерно через неделю после встречи с Гринёвым в осаждённой Белогорской (от 27 сентября до 3–5 октября как раз шесть-восемь дней).

VI. Вспрос 1

Если Гипотеза 1 справедлива, то почему эта ошибка памяти оформлена в виде упоминания именно «начала октября 1773 года?»

VII. Гипотеза 2

В рассмотренной выше трёхзвенной композиционной дуге следует поменять ролями два ориентира: «начало октября 1772 года» и «начало октября 1773 года».

Пояснение к Гипотезе 2

Естественным образом исходя из срока, заданного в тексте, выше мы выполнили психологическую «экстраполяцию назад» и определили примерный момент решающей «сцены с вареньем» и т. д. Но затем выяснилось, что для восстановления логики сюжета точку отсчёта придётся сдвинуть с «начала октября» на 20–21 сентября: иначе говоря, тем самым мы должны «выправить» воспоминания Гринёва. Остаётся объяснить, почему же он «вспомнил» не двадцатые числа сентября (или хотя бы середину месяца, или даже просто сентябрь), а именно начало октября?

Суть Гипотезы 2 имеет вид следующего «перевёртыша»: сюжетно-реальной (хотя и не упомянутой в тексте) является дата «начало октября 1772 года», а явно упомянутое «начало октября 1773 года» не является реальным!

Дело в том, что Гринёв в «Записках», как уже говорилось, заново переживает события своей юности. Он с волнением вспоминает сердечную драму, острейшую обиду на родителей, полудетскую тоску по дому, то есть всю ту «бурю ощущений», которая мрачным осенним вечером 1773 года в мыслях отбросила его на год назад в переломный момент начала октября 1772 года, когда затянувшееся детство резко сменилось серьёзной взрослой жизнью. Отражённая воспоминаниями, эта забываемая дата впечаталась в хронику событий 1773 года, и точная дата сентября (очень близкая к домашней, особенно за давностью лет, и по календарю, и, должно

быть, по сходству состояний внешней среды) оказалась забитой ориентиром более высокой эмоциональной плотности. Коротко говоря, центральная точка сюжета возникла в воспоминаниях Гринёва как отгиск даты, открывающей новый этап его жизни.

Предвижу возражение скептически настроенного читателя. Не слишком ли всё это сложно, замысловато?

Во-первых, я и называю предложенную схему гипотезой, а любая гипотеза вполне может оказаться несостоятельной. Во-вторых, наша подкорка способна вбрасывать в зону сознания такие комбинации, по сравнению с которыми приведённые соображения имеют вид достаточно ординарного психоанализа. А в-третьих... В третьих, философы одного из ведущих направлений небезосновательно говорят о материальном единстве мира. Сходный феномен единства наблюдается и в тончайших сферах психики. Любому читателю (и скептику в том числе), порывшись в запаснике своих ощущений, наверняка вспомнит моменты, похожие на те, о которых размышлял Гёте: «Мы блуждаем в таинственной тьме. Нам неведомо, какие силы шевелятся в окружающей нас атмосфере и в какой степени они связаны с нашим духом, известно одно: есть такие состояния, когда шупальца нашей души протягиваются за её телесные границы и дарят её не только предчувствием ближайшего будущего, но и подлинным его предвидением». Мысль Гёте распространяется и на возможность «послечувствия», на возможность редких, но вполне реальных «прозрений» всякого рода.

VIII. Вопрос 2

А чем вообще эта временная точка – начало октября – могла привлечь внимание Пушкина? Ведь по всему заметно: в ней закреплён для него какой-то важный смысл, если она использована в качестве одной из ведущих опор сюжета.

IX. Гипотеза 3

Представляется, что эта дата – своего рода маркер размышлений Пушкина над концепцией повести. Напомним: Пугачёв, по свидетельству его жены, ушёл из станции Зимовейской «в октябре месяце

1772 года» навстречу роковым событиям. Скрытой (из-за её сокровенности?) датой «начало октября 1772 года» Пушкин задаёт первый момент той «гринёвской» траектории, которая в нужный ему срок (реальный и сюжетно, и исторически) пересечётся с траекторией Пугачёва в предзимнем степном бурани: в октябре 1772 года Пушкин одновременно отправляет в путь Гринёва и Пугачёва.

X. И последний вопрос: не видит ли читатель уязвимости нашего «психоанализа», построенного на игре двух дат? Какой напрашивается контрдовод (я-то давно держу его сама против себя)?

Последний ребус заключается в том, что, как упоминалось выше, КД – воплощение «двойного авторства», и в каждый момент мы должны точно улавливать, какой «автор-в-авторе» перед нами.

Мы исходили из допущения об ошибке памяти в бытовом свидетельстве и достоверности даты в официальном письме. Если бы эти даты имели *разные источники*, то и обсуждать было бы нечего. Но и то, и другое – содержание «Записок» Гринёва, то есть и то, и другое извлекается им самим из собственной памяти! Почему мы должны ей доверять? Ведь с одинаковым успехом он мог перепутать и содержание губернаторского письма!

Но это сомнение, пожалуй, устранимо на том основании, что мы со спокойной душой можем полностью довериться Пушкину – его безошибочному чутью, его способности, вселившись в своего героя, безукоризненно точно построить *внутренне непротиворечивую среду воспоминаний* с её шкалой значимости того, что удерживается памятью.

В первом случае – это память сердца, на мгновение заслонившая реальность, а во втором – память ума, память «человека социального», оказавшегося на грани несмываемого позора.

12

Исчерпав тему мнимых загадок и запланированных парадоксов, стоит сказать об одной «обычной» ошибке Пушкина. Это фактическая неточность, допущенная в

«Истории Пугачёва» и исправленная в «Капитанской дочке». Дело связано всё с тем же Яицким бунтом. В ИП дважды указан неверный год этого события: «Наконец, в 1771 году мятеж обнаружился во всей своей силе» (ИП, с. 193). И: «Тамошние начальники прибегли к строжайшим мерам для прекращения мятежа; но наказания уже не смогли смягчить ожесточённых. 13 января 1771 года они собрались на площади, взяли из церкви иконы и пошли... в дом гвардии капитана Дурнова, находившегося в Яицком городке по делам следственной комиссии» (ИП, с. 194).

Читатель, знающий точную хронологию из современных источников, в первый момент думает об опечатке. Действительно, конфликт с расправой над должностными лицами разразился на самом деле 13 января 1772 года, и этот день принят за начало Яицкого бунта. Если первую цитату истолковать как констатацию взрывоопасного состояния накалённой казачьей среды накануне кровавой развязки, то упомянутый здесь 1771 год мог бы означать, скажем, конец декабря. Тогда естественно предположить, что 1771 год во второй цитате – ошибка Пушкина или ошибка наборщика. Однако просмотр сопутствующих материалов снимает предположение, так как в них неверная дата встречается ещё два раза. Во-первых, в «Оренбургских записках» к ИП: «Бунтовщики 1771 года посажены были в лавки Менового двора» (ИП, Приложение. С. 313). Во-вторых, в ответе на критическую статью В. Б. Броневского «Об истории пугачёвского бунта», где Пушкин отмечает несколько неточностей своего критика.

Броневский, например, пишет: «12 генваря 1773, раскольники (в Яицком городке) взбунтовались и убили как генерала (Траубенберга), так и своего атамана». Пушкин возражает: «Не в 1773, но в 1771. См. Лёвшин, Рычков, Ист. Пугач. бунта и пр.» (ИП, Приложение. С. 330).

Статья Броневского вышла в январе 1835 года, вслед за публикацией ИП, а отклик Пушкина – в сентябре 1835 года (III кн. «Современника»). В начале своей статьи Пушкин объясняет намерение обстоятель-

но ответить на критику Броневского тем, что из-за неуспеха «Истории Пугачёва» у публики он уже не рассчитывает на повторное издание, в котором собирался исправить выявленные погрешности. Значит, ошибочный 1771 год в сентябре 1835 года ещё не значился среди «выявленных погрешностей». И эта ошибка исторического труда очевидным образом исправлена годом позже в «Капитанской дочке»!

Любопытно то, что в огромном количестве изданий сочинений Пушкина дата Яицкого бунта в ИП *никак не комментируется*, в том числе и в последнем, юбилейном, ПСС. Ю.С. Зобов кратко упомянул о её неточности (ГД № 6, с. 18). А В. Л. Савельзон поясняет: «...бунтовщики 1771 года – участники казачьих волнений в Яицком городке» (ПО, с. 52). И только. Даже такой крупный пушкинист, как Н. В. Измайлов, в текстологическом анализе «пугачёвских» записных книжек Пушкина пользуется этой неверной датой. В частности, по поводу единственной записанной Пушкиным песни он сообщает: «Железнову (И. И. Железнов – историк уральского казачества. – Е. А.) спел эту песню в 1858 году старик-казак Красноярского форпоста И. М. Бакиров... В ней говорится о восстании яицких казаков 1771 года, предшествовавшем Пугачёвскому». Подстрочное примечание Н. В. Измайлова: «Железнов напрасно исправил хронологическую «ошибку» Бакирова, предложив ему петь не «В семьдесят первым году», а «В семьдесят третьем»¹¹.

Возможно, это мелочи, но поскольку каждый шаг Пушкина отслеживается и каждая строка подвергается анализу, то интересно поставить три вопроса:

- 1) откуда у него неверный 1771 год («см. Рычков¹², Лёвшин?»);
- 2) на основании чего он исправил эту дату в «Капитанской дочке»?
- 3) почему в ряде источников фигурирует ещё и 1773 год?

Когда едешь пугачёвской трассой через те самые Рассытну, Нижнеозёрную и прочие «крепости», выдавшие и самозванца, и поэта, не покидает мысль: не зря Пушкин сюда приезжал! В стети обжигает оцу-

щение планеты. Даже в открытом море оно не так сильно: при видимой кривизне водной поверхности странно сужается оком, а энергия мысли и чувства слабеет, отвлекаясь на преодоление инстинктивного страха перед невероятной пучиной.

В степи, где душа по-лермонтовски один на один с мирозданием, где протупают чистые линии событий, не за-

слонённые ничем рукотворным, Пушкин ощутил себя в центре людского циклона, который пронёсся всего-то шестьдесят лет назад. Здесь на него обрушились вечные вопросы: что есть случай, что есть личность в естественно-историческом потоке? И «сквозь магический кристалл» он «ясно различил» встречу своих героев в снежном вихре степного бурана.

Примечания

¹Расстояние от Нижнеозёрной до Оренбурга – 82 версты (ИП, с. 272), а от Нижнеозёрной до Белогорской в сторону Оренбурга – 25 вёрст (КД, с. 302)

²Семнадцатого сентября Пугачёв обнаружил свой первый манифест

³Или «Бударинский». См. Оренб. пушк. энц. Оренбург, 1997. С. 60

⁴А. С. Пушкин. ПСС в 17 томах. Т. 9, Кн. I и II (сквозная нумерация страниц). М., 1995-1996. С. 215

⁵Там же, с. 219

⁶Там же, с. 618

⁷Там же, с. 517

⁸Там же, с. 226

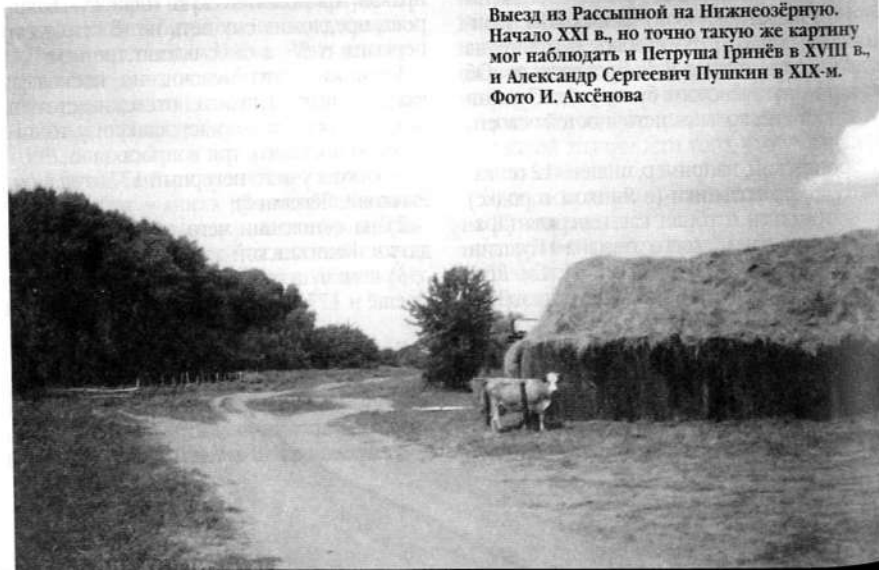
⁹Там же, с. 719

¹⁰Выражение Яна Парандовского

¹¹Н. В. Измайлов. Очерки творчества Пушкина. Л., 1976. С. 276

¹²В «Летописи» П. И. Рычков приводит верный 1772 год

Выезд из Рассыпной на Нижнеозёрную.
Начало XXI в., но точно такую же картину мог наблюдать и Петруша Гринёв в XVIII в., и Александр Сергеевич Пушкин в XIX-м.
Фото И. Аксёнова

Тамара Фёдоровна Архаткина родилась в г. Ишимбай (Башкирия) в семье офицера Советской Армии. В 1946 г. была привезена в Оренбург, здесь росла, училась в школе. Окончила Оренбургский педагогический институт, работала в сельской школе (Кваркенский район). Позже окончила Уральский государственный университет (журналистика) и была распределена на Дальний Восток, в Хабаровский край. Жила в Биробиджане, работала в газетах, на радио и телевидении. С 1997 г. – в Израиле

Тамара АРХАТКИНА

ЗИМА В ЕРУСАЛИМЕ

Россия и Израиль – две отчизны,
Две родины в душе переплелись.
И я боюсь, что мне не хватит жизни,
Чтоб спеть им песню, поднятую ввысь.

Ну, здравствуй, мой Ерусалим вечерний,
Сегодня хмуро небо над тобой,
Но ты всегда прекрасен, город древний
И в то же время вечно молодой.

Дома после дождя ещё белее,
А воздух, зелень чище и свежей.
И небо выше, звёзды холоднее,
А люди и моложе, и добрей.

Цвет белый – цвет невинности и мира.
Ерусалим, ты – город доброты,
И где б меня по свету ни носило,
Я унесу с собой твои черты,

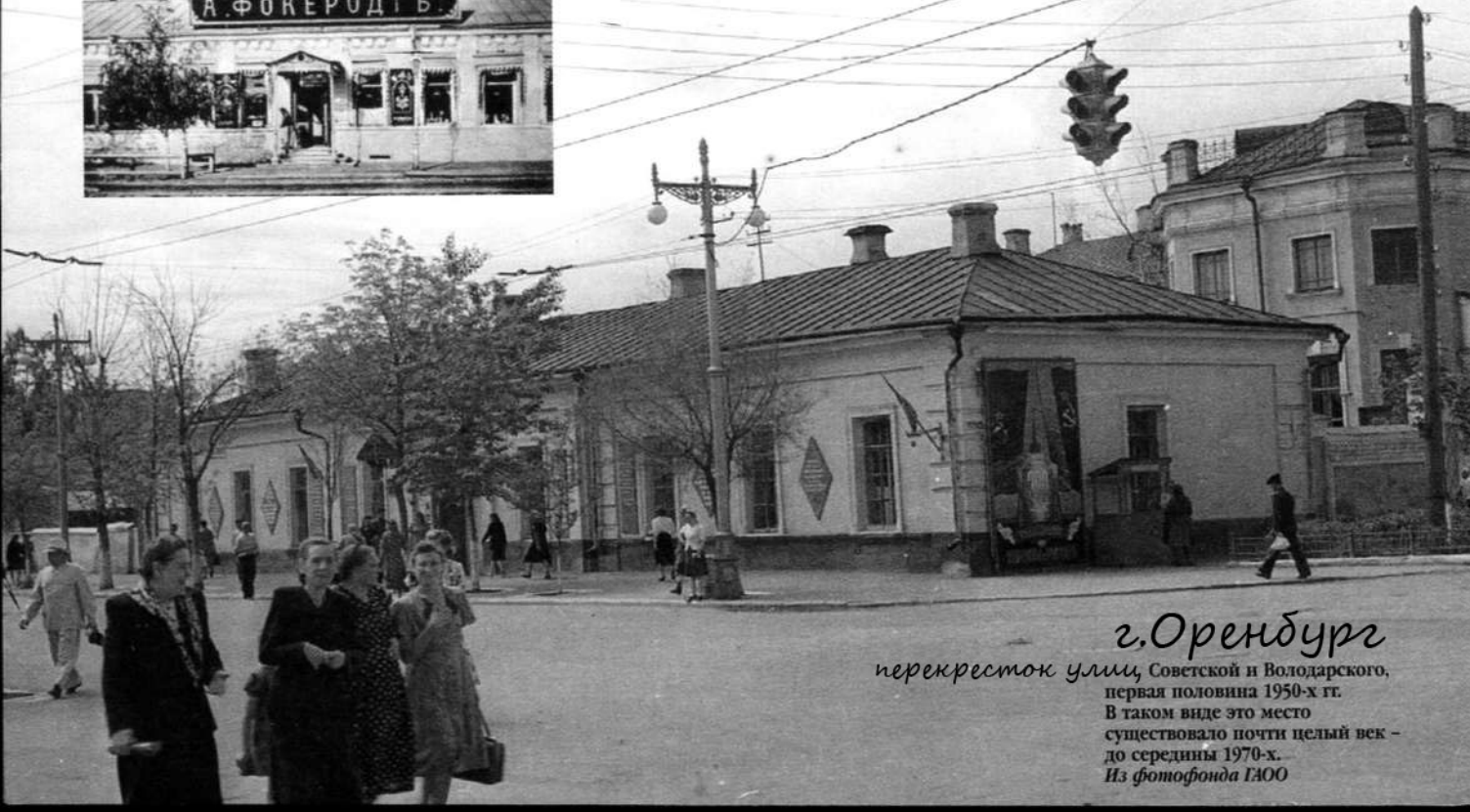
Твои холмы, вершины и пригорки,
И твой наряд зелёно-голубой...
И сколько б ни свалилось бедствий горьких,
Я знаю: не расстанемся с тобой.

Сентябрьскими прохладными ночами
Земля чужая – будто бы своя...
Рассказывал земляк-хабаровчанин,
Что слышал в Нагарии соловья.

Его хозяин, нестандартный малый,
Развёл фруктовый сад в «гине» своей, –

*До времени Советской власти в этом здании находилась
булочная Фокеродт.*

*г.Оренбург
перекресток улиц Советской и Володарского,
первая половина 1950-х гг.
В таком виде это место
существовало почти целый век –
до середины 1970-х.
Из фотофонда ГАОО*

